

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»

**ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных трудов по филологии № 6

31 января 2011 г.

г. Астрахань – 2011

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА И МЕТОДИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВАВИЛОН»

**ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ,
ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Сборник научных трудов по филологии № 6

31 января 2011 г.

Издательский дом: «Астраханский университет»
2011

УДК 80
ББК 81.00
О 756

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Рецензенты: Е.В. Алымова канд. фил. наук, доцент ЮРГИ,
О.А. Зобнина канд. фил. наук, доцент ВАГС

Редакционная коллегия:

Г.В. Рябичкина (гл. редактор), Н.И. Кривых (зам. гл. редактора),
Л.И. Балашова, Л.Д. Кривых, О.Б. Багринцева

О 756 Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации [Текст]: сборник научных трудов по филологии № 6. 31 января 2011 г., г. Астрахань / сост. О. Б. Багринцева. – Астрахань: Издательский дом: «Астраханский университет», 2011. – 56 с.

В сборник вошли материалы межвузовских трудов по филологии «Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации», посвященных изучению наиболее актуальных и значимых проблем лингвистической науки: лингвистики текста и речевого дискурса, лингвистики в начале XXI века, как одного из перспективных направлений, обучения иностранным языкам и др.

Может быть полезен лингвистам, педагогам, студентам и аспирантам.

© Багринцева О. Б., составление, 2011
© Издательский дом
© Коллектив авторов

Содержание

1. *Абашова О.Ю.*

Значение нарративных модальностей в дискурсе. Модальности и их роль в развитии характеров героев на примере художественного романа «Мастер и Маргарита» Булгакова М.А.

2. *Белкина И.В., Белозёрова М.С.*

Презентация фреймовых образований в структуре концепта «приобретение».....

3. *Бойченко Н.В.*

К реконструкции прагерманских наименований правителей.....

4. *Гречухина З.Р.*

Синкретизм и смежные явления: сходства и различия.....

5. *Доценко Е.Л.*

Коммуникативная компетенция участников судебного дискурса.....

6. *Ефремов А.А.*

Метафоризация как когнитивная модель терминообразования (на примере англоязычной терминологии нефтегазовой отрасли).....

7. *Колесникова Т.В.*

Синкретизм деепричастных и причастных оборотов в современном французском языке.....

8. *Кривых Л.Д.*

Детерминанты результативности формирования у студентов опыта социальных отношений.....

9. *Левчина И.Б.*

Явление синестезии.....

10. *Малиновская А.Г.*

К вопросу об исследовании молодежного жаргона (в английском языке)

11. *Мананникова В. Г.*

Особенности сравнений в художественных текстах австрийского модернизма.....

12. *Метельская Е.В.*

Оценка морально-этических качеств человека посредством лексических

субстандартных единиц-зоонимов.....

13. Молчанова А.С.

Некоторые особенности репрезентации категории «память»: хронологическая перспектива (на материале текстов немецких автобиографий).....

14. Руссу Е.А.

To the problem of intercultural communication definition.....

15. Тарханова Т.В.

Лексико-семантическая дискретность как экспонент национального менталитета.....

16. Хаджаева Н. Х.

Современный молодёжный сленг в системе русского и английского национальных языков.....

ЗНАЧЕНИЕ НАРРАТИВНЫХ МОДАЛЬНОСТЕЙ В ДИСКУРСЕ. МОДАЛЬНОСТИ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ХАРАКТЕРОВ ГЕРОЕВ НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РОМАНА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» БУЛГАКОВА М.А.

Абашова О.Ю.

РГУ им. И. Канта, г. Калининград

Сюжетность художественного нарративного дискурса во многом определяется его денотативной природой. Когда читателю ясно, что история выдумана, то есть, сказанное не является ни истиной, ни ложью и отгорожено от обыденной жизни рамками особой — художественной — языковой игры, то внимание поневоле заостряется на том, ради чего история и рассказывается, — на ее субъекте, то есть, на сюжете, характерах персонажей, отношениях, связывающих их [Арутюнова 1990: 136].

Ключом рассказа, наррации, а значит, и сюжета, является некое изменение, касающееся сюжетной линии и характеров героев. Ведь если ничего не происходит или происходит нечто однообразное, то на этом нельзя построить сюжет в классическом смысле, например, детективный сюжет или сюжет комедии с развитой интригой [Виноградов 1971: 238]. И ясно также, что изменение может зафиксировать полноценно только цепь высказываний, а не одно высказывание, хотя какой-то кульминационный момент изменения положения вещей может быть акцентирован и в одном высказывании [Арутюнова 1999: 28]. Но тогда в высказывании должно быть нечто являющееся индикатором этого изменения, причем было бы очень важно выявить структурные особенности этой части высказывания. Подобной частью высказывания является модальная рамка [Ваулина 2008: 35]. В свою очередь, представляется закономерным называть модальные характеристики высказываний, составляющие сюжет художественного произведения, нарративными модальностями.

По мнению Л.Долежела, можно выделить 4 типа нарративной модальности, в каждом из которых выделяют 3 члена: алетическая модальность (возможно, невозможно, необходимо), деонтическая (должно, запрещено, разрешено), эпистемическая (знание, незнание, полагание) и аксиологическая (хорошо, плохо, нейтрально) [Долежел 1994: 46-48]. Необходимо отметить, что модальным богатством отличаются ключевые высказывания дискурса. Однако, само понятие сюжета не раскрывается на феноменологическом уровне одного или нескольких ключевых высказываний, только вся совокупность высказываний с учетом их модальных характеристик и отношений, существующих между ними, определяет сюжет. Таким образом, в рамках одного художественного дискурса сталкиваются, переплетаются и образуют связи все четыре типа нарративной модальности. В данном исследовании нас интересуют такие типы, как алетическая и деонтическая модальности, а именно, конфликт, возникающий между данными категориями модальности, на уровне сюжета и, в частности, на уровне отдельных персонажей художественного произведения.

Рассмотрим более подробно, что представляют из себя данные типы модальности. Алетическая модальность, как было выше сказано, содержит три члена: возможно, невозможно (не верно, что возможно) и необходимо (не верно, что возможно не). Традиционно алетические модальности рассматриваются с точки зрения логики. То есть, например, необходимость понимается как априорная, логическая необходимость, а невозможность — как логическая невозможность. Однако применительно к художественному высказыванию мы считаем уместным, ввести понятие психологической необходимости и психологической невозможности [Ивин 1971].

Деонтическая модальность представляет собой информацию о том, содержат ли высказывания некую норму или ее нарушение, то есть нечто разрешенное, запрещенное или должное [Вригт 1986]. Три члена деонтической модальности — должное на одном полюсе, запрещенное на противоположном и разрешенное в качестве среднего медиативного члена — накладываются на трихотомию «хорошее», «дурное» и «безразличное»: должное соответствует хорошему, запрещенное — дурному, разрешенное — безразличному.

Мы рассмотрим ситуацию, при которой алетическая и деонтическая модальности, а если точнее, входящие в их состав члены – необходимое (обусловленное логическим порядком развертывания событий) и должное (определяемое моральным долгом, нравственными обязательствами и принципами), сталкиваются, вступают в конфликт и занимают второстепенное либо главенствующее положение по отношению друг к другу.

На данном этапе рассмотрим значение понятий «долг» и «необходимость». Согласно определению, данному в толковом словаре Даля, долг – это «все должное, что должно исполнить, обязанность. Общий долг человека вмещает долг его к Богу, долг гражданина и долг семьянина; исполнением этих обязанностей он в долгу, они составляют долг его, как взятые у кого займы деньги или вещи, или все то, чем обязан он, по обещанию или какому условию; долг, более общее, обязанность частная, личная; долг невольный, обязанность условна». Словарь Ожегова определяет долг как «то же, что есть обязанность человека. Взятые займы». Следуя этимологии, данной Максом Фасмером, слово «долг» славянского происхождения, (от праславянского *dlъgъ*), родственно готскому *dulgs* «долг», ирландскому *dligim* «заслуживаю, притязую», *dligid* «долг».

Толковый словарь Ушакова дает следующее определение необходимости: «Необходимость – это крайняя надобность, обязательность, неизбежность чего-либо. Внутренняя, необходимая закономерность совершающегося в действительности». «Необходимость, - по мнению Энгельса, - состоит из чистейших случайностей; а эти мнимые случайности представляют форму, за которой скрывается необходимость». Толковый словарь Ожегова и Шведовой характеризует необходимость, как потребность, нужду, как нечто, необходимое для жизни.

Принимая во внимание все выше сказанное, мы можем сделать вывод о том, что понятие «долга» подразумевает четкое представление субъекта о необходимости исполнения каких-либо моральных обязательств в соответствии с принятыми нравственными принципами, представление это исходит из внутреннего понимания морали и ценностных ориентиров личности. С другой стороны, необходимость в большей степени предопределена внешними влияниями, обстоятельствами, навязана субъекту извне, что зачастую становится причиной внутриличностного конфликта. В результате, мы можем наблюдать столкновение этих двух понятий, противоречие, возникающее между тем, что «надобно» и что «долг велит» делать, то есть, две категории модальности (алетическая и деонтическая) вступают в конфликт друг с другом.

Наиболее четко подобный «конфликт» двух модальностей раскрывается в художественном представлении действительности, именно художественный дискурс позволяет проследить развитие конфликта модальностей во всех ракурсах, его влияние на характеры персонажей, изменение их поведения и отношения к окружающему миру. В нашем исследовании мы рассмотрели явление «конфликта» модальностей на материале художественного романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», произведения, представляющего собой органическое соединение историко-эпического, философского и сатирического начала, не уступающего по глубине философского содержания и уровню художественного мастерства, мировым шедеврам литературного творчества.

На данном этапе исследования мы не ставим перед собой задачу изучить и охарактеризовать в полной мере все модальное богатство романа. Нашим объектом исследования становится отдельное явление в области нарративных модальностей, названное нами «конфликтом модальностей», проявляющееся в характерах героев романа, оказывающие влияние на эволюцию взглядов и представлений персонажей, и далее на изменения, происходящие в ходе раскрытия сюжетной линии.

Построение булгаковского романа позволяет утверждать, что писатель применил в своем романе так называемую формулы «двойника» и использовал ее для выражения философской концепции мира и человека. По мнению П.Р. Абрагама, автор разделил центрального двойника, поставленного перед необходимостью выбора между добром и злом при столкновении с этической проблемой, на два персонажа. Создание параллельных

образов героев-двойников - один из путей проверки философской идеи, теории в жизненной практике. Этот прием совместно с другими выявляет голос автора [Абрагам 1990: 15]. Для действующих лиц булгаковского романа характерна множественность обликов. Он говорит как о разных сторонах их натуры, так и о неожиданном сходстве, «перекрещиваниях» между ними. Именно поэтому явление «конфликта модальностей» мы рассмотрим на примере двух персонажей, являющихся в своем роде двойниками: Понтия Пилата и Маргариты.

«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат» (20).

М. А. Булгаков воссоздал образ живого человека, с индивидуальным характером, раздираемого противоречивыми чувствами и страстями. В Понтии Пилате мы видим грозного властелина, перед которым все трепещет. Он хмур, одинок, бремя жизни тяготит его. Он правит, он подчиняется. Римский прокуратор олицетворяет власть авторитарную и в то же время предстает рабом этой власти. Булгаков испытывает его поступком, требующим свободного волеизъявления. Самой важной представляется Булгакову проблема свободы и несвободы человеческой личности. В. В. Химич отмечает, что «решение Булгакова художественно представлено развертывающейся в произведении картиной психологического проживания Пилатом внутреннего движения от несвободы к свободе. Писатель отмечает «кровавый подбой» плаща Пилата и его «шаркающую походку» (20)¹. Булгаков собирает из отдельных штрихов психологический портрет человека, скованного несвободой.

Писатель показал, что противоречия Понтия Пилата проявляются в каждой ситуации по-разному. Но существует одна художественная идея, все время ощущающаяся при раскрытии образа Понтия Пилата - это «это идея детерминированности, полной зависимости действий героев, в том числе и Понтия Пилата, от обстоятельств жизни» [Вахитова 1991]. Понтий Пилат связан обстоятельствами, положением, статусом, представлением о собственной безопасности и удобстве. Он чувствует невозможность пожертвовать чем-либо во имя жизни другого, во имя правды и морального долга. Как следствие, явственная победа необходимости над долгом, над справедливостью, над моралью. На данном этапе конфликта модальностей мы наблюдаем сильную позицию именно алетической модальности, однако, это победа ведет к перелому в характере Понтия Пилата, в осознании всего трагизма допущенной несправедливости, трусости, неисполнении морального долга перед человеком, заслуживающим уважения: «Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные: «Погиб!», потом: «Погибли!..» И какая то совсем неясная среди них о каком-то должествующем непременно быть - и с кем?! - бессмертием, причем бессмертие почему-то вызвало нестерпимую тоску» (28). В романе происходит разложение образа Понтия - диктатора и превращение его в страдающую личность. Власть в его лице теряет сурового и верного исполнителя закона, образ приобретает гуманистический оттенок. Раскаянием и страданиями Пилат искупает свою вину и получает прощение [Андреев 1991].

С другой стороны выступает образ Маргариты, во многом противопоставленный Понтию Пилату, но одновременно и роднящийся с ним. Булгаковская Маргарита - символ женственности, верности, красоты, самопожертвования во имя любви [Бабинский 1992: 43]. Это сильный, дерзкий характер, здесь нет места трусости, «пилатизму» [Белый 1974]. И все же. Обеспеченная, благополучная жизнь Маргариты стала сетью для нее, опутавшей ее и ставшей в конечном итоге причиной ее долгих страданий: «Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах. Маргарита Николаевна могла купить все, что ей понравится. Среди знакомых ее мужа попадались интересные люди. Маргарита Николаевна никогда не прикасалась к примусу. Маргарита Николаевна не знала ужасов житья в совместной квартире...». Брак, обязательства, связывающие ее, другими словами, обстоятельства заставляют ее покинуть Мастера в самый трагичный для него момент. Он болен, он на краю пропасти, она покидает его. Подчинение обстоятельствам приводит к трагедии –

¹ Здесь и далее примеры взяты из романа Булгакова М.А. Мастер и Маргарита, Избранное - Т.:Узбекистан,1989.- 719 с.

исчезновению Мастера – и череде долгих мучительных дней искупления. Необходимость, побеждая вначале, ведет к преобразению характеров героев: осознание вины, отягощенное пониманием проявленной слабости, подчинению необходимости, помогает им преодолеть все и выстрадать прощение. Здесь наблюдается та же концепция преобразование через борьбу необходимости и внутреннего морального долга.

Таким образом, на примере двух булгаковских персонажей мы получаем возможность проследить развитие конфликта нарративных модальностей, преобразование характеров, происходящее в результате этого. «Борьба» модальностей находит свое выражение в глубинных изменениях характеров героев, что влечет за собой изменения и в событиях сюжета. Нарративные модальности и вся совокупность отношений между ними, в свою очередь, становятся своего рода движущей силой нарративного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрагам П. Павел Флоренский и Михаил Булгаков // Философские науки. – 1990.
2. Андреев П. Беспросветье и просвет. // Литературное обозрение. - 1991 - № 5
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // ЛЭС. - 1990. - С. 136 -137.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., «Языки русской культуры», 1999.- С. 28.
5. Бабинский М.Б. Изучение романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита» в XI классе. - М., 1992
6. Белый А. О «Мастере и Маргарите» // Вестник русского христианского движения. - Париж, 1974 -№ 112 (113).
7. Вахитова Т.М. Проблема власти в романе «Мастер и Маргарита» // Творчество
8. Михаила Булгакова / АН СССР Ин-т рус. лит. (Пушк. дом). - Л., 1991, кн.2
9. Ваулина С.С. Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению // Сб. науч. трудов. - Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008.- С. 35.
10. Виноградов В.В. О теории художественной речи – М.: Высшая школа, 1971.– 238
11. Вригг Д. Особенности и значение алетической модальности. – М., 1986.
12. Долежел Л. Виды Нарративных Модальностей. – М., 1994. – С.46-48.
13. Ивин Ю. С. Алетическая модальность. – Волгоград, 1971.
14. Толковый словарь Даля. – М., 1987. – С. 25.
15. Толковый словарь под Редакцией Ожегова и Шведовой. – М., 1990. – С. 34.
16. Толковый словарь Ушакова. – М., 1993. – С. 19.
17. Химич В.В. «Странный реализм» М.Булгакова. - Екатеринбург, 1995.
18. Этимологический словарь Фасмера М. - М., 1993. – С. 19.

ИСТОЧНИКИ:

1. Булгаков М.А. Избранное. – Т.:Узбекистан, 1989. – 719 с.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРЕЙМОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «ПРИОБРЕТЕНИЕ»

Белкина И.В., Белозёрова М.С.

Национальный Исследовательский университет «БелГУ»,
г. Белгород

Концептуализация языком окружающей человека действительности по-прежнему остается чрезвычайно актуальной проблемой. В рамках когнитивной лингвистики предполагается выявление всех типов знаний, связанных с потребностями коммуникативной деятельности и заложенных в структуре слов и позволяет обнаружить взаимосвязанные разнообразные концепты в их смысловой структуре. Изучение различных структур знания, лежащих в основе языкового функционирования приводит к необходимости поиска лингвистических методик для их исследования. Целью статьи является когнитивный анализ

фреймовых образований в структуре концепта ПРИОБРЕТЕНИЕ, что позволяет не только выявить языковое наполнение фрейма, но и получить более полное представление об особенностях строения исследуемого концепта.

В данной работе мы считаем возможным анализировать фрейм «приобретение» как способ выражения концепта, поскольку фрейм являет собой структуру данных для представления стереотипных ситуаций [Кубрякова 1996]. Средства языковой репрезентации или номинации концепта в виде лексем рассматриваются нами как обозначение концепта.

Фреймы представляют собой разного рода связанные конструкции, в виде которых в памяти человека хранятся знания об окружающем мире [Кобозева 2000: 65]. Наряду с пропозитивной частью (представленной иерархически упорядоченными компонентами, составляющими какой-либо аспект фрейма), фрейм содержит концептуальный план, как инструкцию по его использованию, т.е. стратегии субъекта, знания о стилевых, коннотативных возможностях означивания ситуации, прагматические компоненты [Beaugrande 1991].

При проведении концептуального, в частности фреймового анализа, мы выделили его структуру, в которую входят обязательные компоненты общего фрейма «приобретение» (ПРИОБРЕТАТЕЛЬ, сам ПРОЦЕСС ПРИОБРЕТЕНИЯ, ПРИОБРЕТАЕМОЕ), а также необлигаторные компоненты, представленные СПОСОБОМ приобретения (физическое действие, ментальность, эмоциональное восприятие) и ИСТОЧНИКОМ (бывший владелец или место, в котором находится предмет до момента приобретения).

Выделение облигаторных и необлигаторных компонентов в структуре фрейма определяет специфику значений глаголов приобретения, отражающих роль приобретателя, а также различные виды приобретаемой сущности. В качестве основных концептуальных признаков, входящих, на наш взгляд, в семантические роли приобретателя могут быть следующие пары оппозиций: +/- приложение усилий, +/- волеизъявление, +/- контролируемость, +/- осознаваемость. Особенности проявления перечисленных выше признаков ПРИОБРЕТАТЕЛЯ позволили выяснить, что он может выступать в трех ипостасях:

1) как ПРИОБРЕТАТЕЛЬ-Инициатор (приобретает объект для себя, прилагая усилия).

We were trying hard to **gain** the credit...

2) как ПРИОБРЕТАТЕЛЬ-Деятель (прилагая усилия, приобретает объект в пользование другого лица).

A friend **procured** a position in the bank for my big brother.

3) как ПРИОБРЕТАТЕЛЬ, осознающий результат (не прилагает усилий, но осознает результат приобретения).

The boy seemed to be **acquiring** virtue as well as sense.

Рассмотренный аппарат семантических ролей субъектов при глаголах приобретения и составляющих их признаков отражает существующие субъектно-предикатно-объектные отношения между субъектом-приобретателем, глаголом и приобретаемыми объектами внешнего материального и нематериального мира.

Глаголы приобретения на системно-парадигматическом уровне обозначают преднамеренный или непреднамеренный характер действия, который детерминируется концептуальным признаком «участие субъекта в выполнении действия». При актуализации преднамеренных действий реализуются субъектно-ориентированные признаки, а именно: приложение усилий, волеизъявление, контролируемость, осознаваемость: ...and he worked with all his power to **gain** the credit. Liquor was ten times more expensive than before the war, and almost impossible to **obtain**.

Существенно отметить двойственную природу признака «приложение усилий», основанную на понимании усилия как физического или умственного напряжения. Специфика физического действия приобретения объекта состоит в том, что этот признак содержит компонент передачи, благодаря чему становится возможным осуществление данного действия: He obtained an old musket, with a few charges of powder and ball. Особенность «приложения умственных усилий» может заключаться в том, что само действие

по приобретению объекта не является конечной целью субъекта, который имеет в виду совершение каких-то других действий с помощью этого объекта. Действие по приобретению объекта является, таким образом, как бы промежуточным этапом, действием-средством, характеризующимся целенаправленным характером участвовать в других видах деятельности: Or he may decide to teach...by staying on in Cambridge to get a master's degree for this possible purpose.

На преднамеренный характер выражаемых глаголами приобретения значений может указывать также семантика существительных в позиции ПРИОБРЕТАЕМОГО. В этой позиции встречаются существительные, в значении которых присутствует признак «положительность» по отношению к интересам субъекта, благодаря чему достигается семантическое согласование смысловых компонентов. Приобретаемое выражается существительными конкретной и абстрактной семантики, обозначающие различные виды прибыли (affection, approval, award, credit, devotion, emolument, fame, money, preference, subsidy и др.). Такое своеобразие в употреблении глаголов является, по-видимому, отражением опыта человеческих отношений, который показывает, что добиваться, стремиться можно лишь к тому, что оценивается положительно.

Возможность глаголами приобретения обозначать непреднамеренное действие реализуется в результате деятельности субъекта, специально не направленной на приобретение объектов, и связана с погашением признака «приложение усилий»: He got penal servitude for life.

Анализируя семантическую структуру ядерных глаголов (get, acquire, gain, obtain), активизирующих фрейм «приобретение», мы приходим к выводу о том, что верификация их значений определяется валентностью глаголов на определенные типы объектов (существительные положительной семантики) и на основе знаний, стоящих за концептом «приобретение».

Исследование показало, что актуализация фрейма «приобретение» периферийными глаголами (win, earn, secure, procure, derive, draw, make, score, come into) происходит в условиях, когда при активизации мыслительного образа используются существительные той же семантики в позиции приобретаемого, которые участвуют в репрезентации фрейма ядерными глаголами (ср., например, get money (ядерный глагол) – make money, earn money (периферийные глаголы)). Во-первых, зная способность ядерных глаголов сочетаться с существительными положительной семантики, можно восстановить типичное для периферийных глаголов согласование функции со своими аргументами: ...medicine from which she derived little benefit. Если существительное в позиции объекта не принадлежит указанным типам, оно не функционирует в качестве ПРИОБРЕТАЕМОГО и актуализация концепта «приобретение» в глаголах становится менее вероятной. Так, в примере: I was winning my daily battle with the tormented mind наблюдается переход от фрейма «приобретение» к фрейму «одерживать победу», и глагол win становится компонентом нового фрейма.

Другой путь актуализации фрейма «приобретение» периферийными элементами заключается в том, что при обращении к фрейму можно использовать некоторые векторы связи, типичные для обозначенного действия, т.е. определить тот объект, с которым действие может быть связано самой естественной и непосредственной связью чисто онтологически, например: earn – money, score – points и т.д.

With their work permits they would earn ten dollars a day as laborers on the rubber plantations....
Every time he scored points over he strived more.

Таким образом, сближение периферийных глаголов с ядерными глаголами фрейма «приобретение» обнаруживается по линии активной признаку преднамеренной деятельности, требующей усилий для достижения результата или по линии непреднамеренной деятельности, без приложения усилий.

Итак, изучение лексических репрезентаций фрейма «приобретение» позволило нам выявить определенную совокупность разнородных по своему типу знаний, связанных в

англоязычном социуме с универсальной ситуацией приобретения. Содержательный минимум концепта, формируемый представлением о типовой ситуации приобретения, был расширен в первую очередь за счет выявления ролей приобретателя, а также типов приобретаемых объектов. Выделение и описание фрейма дало возможность эксплицировать комплекс представлений, связанных с универсальной ситуацией приобретения, а также установить характер изменений, затронувших содержательную сторону концепта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Beaugrande, R. Linguistic theory: The discourse of fundamental works – L, N.Y.: Longman, 1991.
2. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 350с.
3. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАГЕРМАНСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ПРАВИТЕЛЕЙ

Бойченко Н.В.

Волгоградский государственный педагогический университет

История древних германцев и древние германские языки находятся в сфере интересов многих учёных вот уже более трёх столетий, а за последние десятилетия интерес к ним многократно возрос, что, вполне объяснимо, если принять во внимание современные достижения в лингвистике, использование новейших технологий и, как следствие этого, доступности материала. Но, несмотря на довольно продолжительный период различного рода исследований, многие вопросы так и продолжают оставаться нерешёнными до настоящего времени.

Большинство ученых разделяют мнение о том, что развитие социальной терминологии является существенной характеристикой развития языковой картины мира. При этом приходится признать тот факт, что в германистике еще не достаточно освещены многие вопросы такого развития.

Само понятие структуры социального строя древних германцев не получило пока в современной науке четкого определения, так как сведения, дошедшие до наших дней, немногочисленны, а содержащаяся в них информация отрывочна, часто даже тенденциозна, что дает основание для неоднозначного, а иногда противоречивого истолкования.

Традиционно исследователи-историки делают выводы, опираясь на сообщения античных писателей. О жизни и быте древних германцев писали Цезарь и Тацит, сведения о них содержатся в трудах Страбона, Гая Плиния Старшего, Плутарха и т.д. При этом значительная доля письменных свидетельств, находящихся в нашем распоряжении, не принадлежит очевидцам. Например, тот факт, что Тацит немалую часть информации заимствовал у других авторов, является общеизвестным [Арсеньева 2000: 9].

И даже при условии, что полученные сведения исходят от очевидцев, всегда следует принимать во внимание то, что варвары (германцы) были чужды грекам и римлянам не только по языку, но также по укладу жизни, по социальному строю, по верованиям. С одной стороны, это могло пугать и настораживать, а с другой, простая жизнь германцев не могла не внушать определенной ностальгии по уже утраченной римлянами чистоте и простоте нравов, а это, в свою очередь, скорее всего, проявлялось в идеализации жизни варваров [Гуревич 1999: 27-28]. При таких условиях в данных письменных свидетельствах отражается, вероятно, «идеология и психология самих авторов, что вызывает сомнения в достоверности данных, а так же затрудняет выявления из такого рода текстов реальных фактов из жизни древних германцев» [Сорокина 2008:97].

Кроме всего, при интерпретации античных текстов необходимо принимать во внимание тот факт, что при описании структуры германского общества античные авторы пользовались римской системой понятий и терминов. Естественно, что при этом искажалась как социальная, так и культурная жизнь варваров, поскольку германские институты «описывались лексикой, не способной адекватно отразить всю их специфику» [там же].

Нам известно, что социальным строем англосаксонского общества была военная демократия. Данный феномен до сих пор считается весьма противоречивым, так как, в соответствии с принципами демократии все свободные члены племени принимали участие в управлении своим племенем. И в то же время, поскольку эта демократия была военной, то огромное влияние на все стороны социальной жизни этого племени оказывал воинственный нобилитет [Гуревич 1999].

Например, представители так называемой «современной школы» германской медиевистики Г. Данненбауэр, К. Босль, Г. Миттайс, которые видят наличие истоков германской государственности еще в древнейшем периоде истории германских обществ, полагают, что господство знати являлось конститутивным признаком древнегерманского общества [Кононова 2010; Санников 2008].

Долгие годы ученые проявляют интерес к вопросу о том, почему в готском (восточная подгруппа германской группы языков) и в древнеанглийском (западная подгруппа) языках существовало несколько наименований правителей (сравните, например, Goth.: *gardawaldands, káisar, kindins, máists, niþjis, ragineis, reiks, þiudans*; Old Saxon: *æþeling, beorn-cyning, brego, brýten-walda, cásere, cyning, drihten, ealdor, ēdel-weard, eofor, frō / frao, hfáford, kind / kuning, leód-fruma, rædend, ræswa, þéoden, wealdend*). Данные шести словарей готского языка (включая тезаурусы, грамматики и списки слов) и девяти словарей древнеанглийского языка (среди которых глоссарии, списки слов и учебники-хрестоматии) содержат список из 16 готских и 60 древнеанглийских наименований предводителя. Е.А. Сорокина считает, что такое терминологическое разнообразие, возможно, связано «со структурой власти древнегерманского общества, по поводу которой в современной науке нет единодушного мнения» [Сорокина 2007:332]. Отмечая существование такой проблемы, А. Гуревич писал: «Римляне сталкивались прежде всего с германскими воинами и их вождями; употребляемая латинскими авторами терминология заведомо неточна, и потому едва ли ее анализ может быть результативен» [Гуревич 1999:45].

Данные древнегерманских словарей (*A dictionary of Selected Synonyms in the Principle Indo-European Languages* [Buck 1988], *A Comparative Glossary of the Gothic Language with Especial Reference to English and German* [Balg 1889], *An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth edited and enlarged by T. Northcote Toller* [Bosworth 1898], *A handbook of Germanic Etymology* [Orel 2003]) позволили выделить несколько восходящих к древнегерманскому периоду терминов, обозначающих предводителей социальных групп и являющихся производными от обозначения различных социальных групп людей: *þiudo, *kunjo, *druhtiz, а именно: гот. *þiudans* «король», др. - англ. *þeoden* «правитель»; гот. *kindins* «правитель», др. - англ. *cyning* «король», др. - англ. *dryhten* (*drihten*) «правитель, король, лорд, принц» (сравните: гот. *þiuda* «народ», др. - англ. *þeod* «народ», гот. *kunja* «род, раса, племя», др. - англ. *cyne(n)* «раса, люди, семья», др.- англ. *dryht* «толпа, армия, множество слуг, люди») [Сорокина 2008:106]. Весьма прозрачной является словообразовательная модель данных слов: к корню слова, обозначающего социальную группу людей, присоединяется достаточно продуктивный древнегерманский суффикс *-in/-an-, имеющий значение действующего лица [Сорокина 2007].

Анализ словарных дефиниций показывает, что между структурами значений исследуемых лексем практически нет различий: все они объясняются через английские лексемы *king, prince, lord, ruler, emperor*. Такая ситуация противоречит закону языковой экономии. Очевидно, главной задачей составителей словарей был поиск всех возможных вариантов передачи общего значения предводитель/лидер/король при переводе на другие языки (нельзя забывать также и о том, что в данном случае речь идет о поэтическом

переводе, поэтому различия между значениями нивелировались в большей степени). Стремясь к достижению данной цели, лексикографы группировали лексемы, основываясь на современных им представлениях о власти, что и привело к нивелировке многих признаков, важных для древнего общества. Рассмотрим в качестве примера готское наименование *þiudans*. Анализ словарных дефиниций проводился на материале следующих лексикографических источников: [Buck 1988] и [Balg 1889]. В словаре [Buck 1988] готское слово *þiudans* включено в разделе *Social Relations* 'социальные связи' (перевод на русский язык дается по: *Англо-русский словарь общей лексики*. © АБВУУ, 2008) в подразделе под общим названием *king* 'король, царь, монарх' [Buck 1988:1321]. Автор поясняет: «The title of 'king' has been, in the course of history, applied not only to the rulers of independent states, even great empires (before the rise of a superior title 'emperor', 19.34), but also to the petty chiefs or clans» [Buck 1988:там же] 'в ходе исторического развития наименование 'король' применялось не только по отношению к правителям независимых государств, и даже крупных империй (до того, как появилось более высокое по рангу наименование 'император', 19.34), но и для наименования правителей вождей небольшого традиционного сообщества или родовых общин'. Но даже такое справедливое замечание не дает какого-либо внятного ответа на вопрос о том, почему наименованию 'king' в готском языке соответствует одно наименование *þiudans*, а в некоторых других языках, например, в древнеисландском и древнеанглийском два наименования: *konungr* / *þjóðann* и *cyning* / *þēoden* соответственно. Сравните также валлийский *brenin* / *teyrn*, латышский *karalis* / *k'ēnin's*, церковнославянский *сѣсарѣ* / *кралѣ*. Возникает вполне закономерный вопрос о том, насколько целесообразно для названия одного и того же человека ('king') употреблять два абсолютно разных наименования. И каким образом эти два наименования сосуществовали в языке: являлись ли они взаимозаменяемыми или все же были вполне определенные ситуации для функционирования каждого из них.

Вопрос о наличии нескольких наименований для обозначения правителя/предводителя/вождя в древних языках затрагивался во многих работах. Например, в своем диссертационном исследовании, посвященном изучению произведений Иордана «О происхождении и деянии Гетов» (*Getica*) С.В. Санников пишет о том, что «...в готском языке действительно существовали различные термины для обозначения власти» [Санников 2007]. С подобной проблемой в древнеанглийском языке встретилась исследователь Ю.С. Григорьева: «...анализ языкового материала свидетельствует о нечеткости разграничения понятий «вождь» и «король» [Григорьева 2007:75].

Таким образом, на основании того, что «несмотря на, казалось бы, абсолютно полную и всестороннюю изученность» [Сухарева 2010:126] германских языков, пока не существует исчерпывающего ответа на вопрос, кого же древние германцы именовали королем, какие функции выполнял этот человек в то время. Существование проблемы, вероятно, заключается в тех различных функциях, которые были закреплены в древнегерманском обществе за каждой из этих номинаций. В частности, К. Тацит писал о том, что у германцев существовали и вожди, и короли, но различались их функции [Тацит 2003]. Тогда возникает еще один вопрос: возможно ли выявить эти специфические функции? По мнению многих исследователей-лингвистов, семантическая реконструкция позволяет выяснить не только особенности дописьменного состояния общества, но и дает возможность воссоздать его структуру. «Наиболее надежным и достоверным источником для семантической реконструкции древнегерманской лексики являются, несомненно, тексты, написанные на древних германских языках, которые хотя и относятся к более поздним периодам, но дают исследователю-лингвисту возможность проследить развитие значений слов и вероятность реконструировать их первичные значения» [Сорокина 2008:104].

Таким образом, решение данной проблемы видится в выявлении смыслового содержания слова, эксплицируемого его контекстуальным окружением. При этом во внимание обязательно должен приниматься тот факт, что другие значения данного слова или даже совокупность других значений продолжают присутствовать в слове потенциально.

Для ответа на поставленные вопросы, скорее всего, необходимо осуществить следующий ряд действий. Во-первых, выявить в исследуемых языках все слова, обозначающие правителей или предводителей. Затем, предпринять попытку изучения всех контекстуальных значений исследуемых лексем по полному корпусу древнегерманских текстов. На третьем этапе, сопоставить полученные по каждому языку результаты для выявления общих элементов смысла, объединяющих лексемы. И наконец, попытаться установить вероятные значения праформ исследуемых слов в прагерманском языке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арсеньева М. Г. Введение в германскую филологию. — М.: «ГИС», 2000. — 314 с.
2. Григорьева Ю.С. Эволюция концептов *CYNING* и *DRYNTEN* в рамках древнеанглийского периода (на материале древнеанглийской поэзии) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 5, вып. 1. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. - с. 74 - 83.
3. Гуревич, А. Древние германцы. Викинги. СПб.: Университетская книга, 1999.
4. Кононова Инна Владимировна Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии). Автореферат Диссертации на соискание ученой степени доктора Филологических наук Санкт-петербург – 2010
5. Санников С.В. Методологические аспекты изучения процесса становления ранних форм государства у германских народов // Исторический ежегодник. 2008: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2008. С. 40-54
6. Санников С.В. Произведение Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (*Getica*) как источник для изучения процесса становления королевской власти у германских народов: дис. ... канд. ист. наук.: – 2007.
7. Сорокина Е. А. К реконструкции древнегерманского **bu-/*bura* // Современная парадигма лингвистических исследований: методы и подходы: Сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. — Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия, 2008. — С. 97—104.
8. Сорокина Е.А. К реконструкции древнегерманского института «свободный» ~ «зависимый» // Вопросы языкознания. 2008. № 5. — С. 103—115.
9. Сорокина Е.А. Семантическая реконструкция: вчера и сегодня // Сопоставительные исследования 2010. Воронеж: изд-во «Истоки», 2010. С. 19-25.
10. Сорокина Е.А. К реконструкции древнегерманского **theudanoz* // Проблемы концептуальной семантики языка и речевой деятельности: Материалы 1-й Всероссийской научной конференции. – Иркутск: ИГЛУ, 2007. – С. 332 – 338.
11. Сорокина Е.А. Социальные функции **druhtiz* у древних германцев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филол. науки. – Волгоград: Перемена, 2007. № 2(20). С.40 – 45.
12. Сухарева И.В. К проблеме долгих форм германского претерита и аналогичных образований в индоевропейских языках // Вопросы филологии, № 1, Том 034, 2010. С. 120-127.
13. Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. М: «АСТ, Ладомир», 2003. С. 984.
14. Англо-русский словарь общей лексики. © АBBYY, 2008
15. Balg G. H. A Comparative Glossary of the Gothic Language with special reference to English and German. — London, England: Truebner & Co., 1889. — 667 p.
16. Bosworth J., T. N. Toller. An Anglo-Saxon Dictionary based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth, edited and enlarged by T. Northcote Toller. — Oxford: Oxford University Press, 1898. — 1302 p.

17. Buck C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. — Chicago: University of Chicago Press, 1988. — 1516 p.
18. Orel V.E. A Handbook of Germanic Etymology. - Brill Academic Publishers, 2003. - 496 p.

СИНКРЕТИЗМ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Гречухина З.Р.

Астраханский Государственный Университет

Любое явление представляет собой единство формы и содержания, где форма есть способ существования и обнаружения последнего. Это универсальное свойство присуще и языку. Одной из основных движущих сил в развитии языка и становлении, в конечном счете, его типологической индивидуальности является внутренняя структура языковых единиц. Будучи знаковыми системами особого рода, все языки мира характеризуются экономичностью и компактностью, что проявляется в диспропорции между необозримо большим количеством содержательных элементов языка и во много раз меньшим количеством средств их выражения. В свое время Т.П.Ломтев [Ломтев,1970] назвал эту диспропорцию основным противоречием языка, обуславливающим его развитие.

Это несоответствие содержания и формы, приводит к сдвигам плана содержания и плана выражения относительно друг друга и отражается, таким образом, на структуре языковых знаков, что позволило С.Карцевскому вывести закон асимметричного дуализма языкового знака как движущую силу явления переходности при большем или меньшем расхождении и даже конфликте означаемого и означающего. Это противоборство означаемого и означающего приводит к тому, что каждое из них «выходит из рамок, предназначенных для него партнером» [Звегинцев, 1965:85], а это ведет к изменению структуры языковых знаков в процессе развития языка.

В современном языкознании общепризнанным является утверждение о том, что одно и то же означающее может служить для передачи разных означаемых. Ещё Аристотель заметил, что число слов и понятий ограничено, вещи же количественно бесчисленны. Одно слово и одно понятие по необходимости обозначают, поэтому, многое[цит. по Kronasser Н. 1952: 34]. С ним созвучны слова Л.В. Щербы: «Всякое слово так многозначно, так диалектично и так способно... выражать всё новые и новые оттенки» [Щерба, 1974 :75].

Проблему асимметрии языкового знака можно рассматривать как «фундаментальный фактор языка» [Якобсон 1985:169]. С ней тесно связана проблема синкретизма, который занимает важное место в языковой структуре наряду с другими хорошо известными типами формально-содержательной асимметрии языкового знака. Естественно, что при рассмотрении синкретизма, неизбежно приходится сталкиваться с близкими ему в данном отношении лингвистическими явлениями, такими как контаминация, диффузность, полисемия.

Формально синкретизм не отличается от упомянутых явлений, поскольку в их основе лежит одинаково неравное соотношение между формой и содержанием, при котором одному элементу формы соответствуют два или более элементов содержания. Данное внешнее сходство является одной из основных причин частого отождествления синкретизма с контаминацией, диффузностью и особенно с полисемией, несмотря на существующие различия.

Для четкого понимания различия и взаимосвязи данных языковых явлений, необходимо уточнить содержание каждого из терминов. Прежде кратко определим понятия контаминации и диффузности и отметим, что отличие синкретизма от этих явлений состоит в отнесении первого к парадигматике языка и системным сдвигам в процессе его развития, а

двух остальных к синтагматике языка и живым процессам, сопровождающим употребление языковых единиц в речи.

Под контаминацией понимают объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости. В результате контаминации происходит «обмен» компонентами таких единиц. (ЛЭС, 1990)

Смешение понятий контаминации и синкретизма происходит от того, что определения синкретизма часто базируются лишь на его общефилософском и логическом понимании как единства, нерасчлененности, совмещения различных элементов в одной единице выражения. Однако это совмещения разного порядка. При контаминации наблюдается лишь совмещение отдельных признаков двух языковых единиц, при синкретизме – полное слияние единиц в одной. Синкретичная форма объединяет в себе содержание слившихся языковых единиц. Контаминированная же форма фигурирует либо как новая параллельно её исходным, либо претерпевает некоторое семантическое изменение (см. определение О.С.Ахмановой: контаминация есть «взаимодействие языковых единиц,... приводящее к их семантическому или формальному изменению или к образованию новой (третьей) языковой единицы» [Ахманова СЛТ 1966:14]). Синкретичный знак есть в своем содержании сумма двух языковых знаков, контаминированный – имеет свою отличную от исходных знаков дистрибуцию, покрывающую лишь их часть, являющуюся для них общей. Так, деепричастие в русском языке, будучи гибридной формой, потому что в ней совмещены признаки глагола и наречия, занимает в предложении всегда одинаковую позицию, общую для этих двух частей речи. Сравните: «Он шел, улыбаясь» и «Он шел и улыбался», а также «Он шел гордо (гордясь)». Что касается синкретичных форм, то их функции находятся по отношению друг к другу в дополнительной дистрибуции, и это является основным отличием синкретизма от контаминации. Так, форма «благодаря» в русском языке синкретична, потому что дистрибуции её функций не совпадают: «Он раскланивался, благодаря (глагол) его за помощь» и «Благодаря (предлог) его помощи он был спасен от позора».

В современной лексикологии совмещение значений часто обозначается термином «диффузность». Считается, что диффузность свойственна разговорной речи (Русская разговорная речь 1973; Девкин 1973, 1979). Существуют ли специальные языковые средства выражения семантической диффузности? Э.Г.Ризель, рассматривая функционирование диффузов или так называемых «слов-губок» (Schwannwörter), обладающих «растяжимостью, эластичностью», широкозначностью семантики, отмечает их способность выражать определенное значение лишь к «случаю» [Ризель 1963:131]. Реализация конкретного значения многозначного слова обуславливается контекстной ситуацией, но при определенных условиях разграничение отдельных лексических значений может не осуществляться, не представляясь необходимым в данном контексте, что приводит к их совместимости. Именно тогда имеет место семантическая диффузность. Д.Н.Шмелев сформулировал принцип диффузности многозначного слова [Шмелев 1973:109]. Лексическая диффузность в современном языке – это позиционно обусловленная возможность совмещения некоторых значений многозначного слова в определенных контекстах. Это явление может быть противопоставлено полисемии, основанной на идее дискретности различных значений.

Когда означающее конвенционально употребляется в языке для вербализации различных, но «так или иначе связанных друг с другом означаемых» [Кобозева 2000:35], тогда речь идет о полисемии языкового знака, или о многозначности, то есть о возможности реализации при помощи одного знака более чем одного смысла в различных контекстных ситуациях, с сохранением при этом неких общих для различных смыслов признаков.

Важным характерным отличием полисемии является определенная связь значений, что дает право считать их инвариантами значений одного слова. Они связаны между собой на основании сходства реалий или смежности (метафорические или метонимические связи на основе ассоциативных признаков). В самом общем виде полисемия определяется как

наличие у единицы языка более одного значения (ЛЭС, 1990). Полисемия свойственна как лексике, так и грамматике.

Синкретизм как лингвистическое явление имеет два определения. Первое определяет его как явление, присущее только грамматике: «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме». Второе – как явление, свойственное всем уровням языка и речи: «совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка (некоторых разрядов слов, значений, предложений и др.), противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности. Это различного рода гибридные (контаминационные, диффузные) образования». (ЛЭС, 1990)

Как видно из первого определения синкретизма, оно в некоторой степени сходно с определением полисемии, что может позволить рассматривать синкретизм как многозначность (полифункциональность) грамматической формы, т.е. грамматическую полисемию. Однако ученые все-таки предпринимают попытки разработать критерии разграничения синкретизма и полисемии. Так, А.П.Шапкин (Шапкин, 1967) в своей статье приводит некоторые такие критерии, правда на основе лишь одного из проявления синкретизма, представляющего собой совмещение одной грамматической формой различных категориальных значений, свойственных данной части речи (например, форма «отца» в русском языке совмещает одновременно категориальные значения рода, числа и падежа). Данный тип синкретизма, по мнению автора, отличается от полисемии следующими моментами (здесь даны отличия обоих явлений только в их грамматическом проявлении):

При полисемии наблюдается деривационная структура грамматической формы, а при синкретизме – совмещение разных категориальных значений;

При полисемии невозможна актуализация одновременно нескольких значений, при синкретизме же такая актуализация обязательна;

При полисемии актуализация совершается через изменение валентности, а для синкретизма контекст почти или полностью безразличен. [А.П.Шапкин 1967:13-17]

Что же касается лексической полисемии, она отличается от синкретизма тем, что при первой, как уже говорилось выше, между значениями многозначного слова существует определенная семантическая связь, что дает основания считать их значениями одного слова, так как эта связь выражается в наличии у них общих элементов смысла – сем. При синкретизме же речь идет о механическом совмещении разных значений.

Итак, принимая во внимание вышесказанное, можно говорить о четком отграничении синкретизма от таких, на первый взгляд близких лингвистических явлений, как контаминация, диффузность и полисемия.

Синкретизм как явление смежное с контаминацией, диффузностью и полисемией, занимает промежуточную позицию в системе языковых средств, обеспечивая тем самым динамизм и подвижность языковой системы, и реализуется как самостоятельное лингвистическое явление на всех уровнях языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1966
2. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака //Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. - М., 2000
4. Ризель Э.Г. «Экономия времени» и устранение избыточности языковых средств в обиходно-разговорной речи // Ин.яз. в школе. Вып.2.- М., 1963
5. Шапкин А.П. Об одной категории формально-содержательной асимметрии в языке // Исследования по синтаксису современного английского языка: Уч. зап. МГПИ им. В.И.Ленина. № 285. 1967.
6. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. - М.,1973
7. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974
8. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990

9. Kronasser H. Handbuch der Stmasiologie: kurze Einführung in die Geschichte, Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre. – Heidelberg, 1952.

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ УЧАСТНИКОВ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА

Доценко Е.Л.

Киевский университет имени Бориса Гринченко

Современная лингвистика, характеризующаяся устойчивой тенденцией к антропоцентризации, изобилует научными исследованиями функций и социально-демографических, психологических, коммуникативных, других особенностей участников общения. Этой проблеме посвящены работы многих ученых: Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, Л.П. Крысина, Г.Г. Почепцова, И.П. Тарасовой, И.П. Сузова и др. Однако, несмотря на пристальное внимание языковедов к прагматическому аспекту общения, до сих пор неисследованными остаются коммуникативно-прагматические особенности участников судебного дискурса, в том числе специфика формирования их коммуникативной компетенции.

Участники любого коммуникативного процесса являются носителями, "с одной стороны, типизированных, обобщенных черт своего народа, своей культуры и своей социальной среды, а с другой – личного опыта, знаний, мнений, предпочтений, оценок, отношений. Каждая языковая личность, как известно, имеет собственный лексикон, грамматикон, прагматикон" [Формановская 2007:57]. Учет особенностей влияния определенных факторов на организацию общения очень важен, особенно если речь идет о таком сложном с точки зрения психоэмоционального напряжения и законодательной регламентации типе дискурса, как судебный. Все элементы его прагматической структуры непосредственно связаны с коммуникантами: 1) тематическая составляющая общения определяется причастностью участников судебных слушаний к той или иной жизненной ситуации, ставшей предметом судебного разбирательства, 2) мотив как "побудительная причина" [Формановская 2007:58] и цель "как стремление достичь результата сообщения, в котором актуализируется (посредством темо-ремного членения и референции) определенный промежуток предметной и мыслительной картины мира" [Формановская 2007:58], например, для свидетелей и экспертов как незаинтересованных участников судебного дискурса в ходе слушаний типично информативное общения, то есть воспроизведение с помощью языковых средств того, что стало объектом непреднамеренного или специального наблюдения, а целью коммуникативных действий защитника или обвинителя является аргументирование с целью подтверждения собственной правовой позиции и влияние на решение суда, 3) выбор способа оформления сообщения. Правда, судебный коммуникативный процесс и, следовательно, функции его участников, регламентируются процессуальным законодательством. В частности нормативными актами определена последовательность коммуникативных действий в рамках судебного заседания, общая структура выступлений участников процесса и т.д.

Участники судебного дискурса в зависимости от типа процессуального действия поочередно выполняют одну из коммуникативных ролей: адресанта или адресата. Особенности общения в зале суда, его законодательная и традиционная регламентация определяют специфику изменения коммуникативных ролей во время судебного заседания. По классификации М.В. Колтуновой, которая выделяет регламентированное, организованное и спонтанное общение, судебный дискурс можно рассматривать как регламентированный, поскольку он характеризуется [Колтунова 2005:94]: 1) строгой официальной ситуацией общения; 2) "ролевым общением, базирующимся на стандартных ролевых экспектациях.

Высокой степенью стереотипности коммуникативного поведения" [Колтунова 2005:94]; 3) "жесткой формализацией сценария" [Колтунова 2005:94] (весь судебный процесс разворачивается нормам по соответствующих процессуальных кодексов, которые достаточно точно описывают последовательность коммуникативных действий); 4) "регулируется социокультурными конвенциями делового общения и организационными нормами" [Колтунова 2005:94] (в нашем случае эти нормы регламентируется Уголовно-процессуальным кодексом Украины, Гражданским процессуальным кодексом Украины); 5) "определенной речевой активностью" [Колтунова 2005:94] (нормы процессуальных кодексов устанавливают тип поведения и тех участников судебного дискурса, которые выполняют речевые действия, и тех, кто лишь пассивно воспринимает происходящее в зале суда, например, ст. 163 ("Обязанности присутствующих в зале судебного заседания") Гражданского процессуального кодекса определяет такие правила поведения, в том числе коммуникативного, участников судебных процессов: "Все присутствующие в зале судебного заседания при входе в него суда должны встать. Решение суда все присутствующие в зале заслушивают стоя. Лица, участвующие в деле, свидетели, эксперты, переводчики обращаются в суд и дают свои показания и объяснения стоя. Отступление от этого правила допускается с разрешения председательствующего. Лица, участвующие в деле, свидетели, эксперты, переводчики, а также все присутствующие в зале судебного заседания граждане обязаны соблюдать в судебном заседании установленный порядок и беспрекословно подчиняться соответствующим распоряжениям председательствующего"; 6) "фиксированное изменение коммуникативных ролей" также предусмотрено процессуальным законодательством: "После доклада дела суд заслушивает объяснения истца и третьего лица, участвующего на его стороне, ответчика и третьего лица, участвующего на его стороне, а также других лиц, участвующих в деле. С учетом конкретных обстоятельств дела суд может установить другой порядок дачи объяснений сторонами и предоставить им право на дополнительные объяснения. Стороны и другие лица, участвующие в деле, могут задавать вопросы друг другу" (ст. 180 "Объяснения сторон и других лиц, участвующих в деле" Гражданского процессуального кодекса).

"Фиксированная смена ролей, – отмечает М.В. Колтунова, ссылаясь на работу Ю. Скребнев [Скребнев 1985], – характерна для подготовленного вещания. Это предполагает, безусловно, добровольное передачи речевой инициативы в рамках жестко определенного сценария, речевой автоматизм, который проявляется в ограниченности репертуара коммуникативных ходов" [Колтунова 2005:95]. Степень подготовленности речи адресантов в судебном процессе зависит от их профессионализма, статуса, уровня юридической компетенции, жанра, который такое лицо представляет в ходе судебных слушаний. Например, выступление прокурора по уголовному делу готовится в течение досудебного и судебного следствия, а речь адвоката – на протяжении еще и выступления обвинителя; обвинительное заключение, которое прокурор произносит (читает) в начале стадии судебного следствия, готовится органами досудебного следствия; выступления свидетелей можно считать частично подготовленными, поскольку лицо, приглашенное свидетельствовать в определенном деле, обладает соответствующей информацией, однако оно не всегда может предсказать, какие вопросы ему будут задавать судьи и заинтересованные участники слушаний.

По критериям, которые определил для классификации социальных коммуникативных ситуаций Е.Ф. Тарасов [Тарасов 1974], судебный дискурс можно квалифицировать как: 1) нормативный – роли участников коммуникативной ситуации регламентированы законодательством и традицией; 2) санкционированный – правовые, социальные (этические) нормы выполняются всеми участниками судебного процесса, а их несоблюдение приводит к наложению определенных санкций; 3) стандартные (типичные для общества). Изучение особенностей реализации статусно-ролевых характеристик участников судебного дискурса необходимо проводить с учетом этих параметров.

В исследовании судебного дискурса следует принимать во внимание особенности выражения статуса личности и его описание, на что обращают внимание В. Богданов [Богданов 1987] и К.С. Серажим [Серажим 2003:110]. Если под выражением социального статуса понимать "индикацию принадлежности человека к той или иной общественной группе и его права и обязанности, вытекающие из этого" [Карасик 2002:6], а под описанием – лингвистическую процедуру выявления внутренних и внешних обстоятельств, определяющих признаки статуса человека относительно других людей и типичного акта поведения и ранговой позиции личности" [Карасик 2004:6-7], то можно констатировать, что элементы описания социального статуса участников судебного процесса содержатся в процессуальном законодательстве, а выражение его происходит во время судебных слушаний.

Выражение статуса участников судебного дискурса имеет яркую вербальную природу, поскольку реализуется на стилистическом (вещание профессиональных юристов в целом отвечает требованиям официально-делового стиля речи, непрофессиональных – составляет сочетание языковых средств официально-делового и разговорного стилей), лексическом (использование юридической терминологии и специальной лексики, слов с эмоционально-экспрессивной окраской и т.п.) и других уровнях. Однако нельзя не согласиться с мнением В. Красных, высказанному в послесловии к монографии В.И. Карасика: "В дискурсе не может реализоваться только языковая компетенция, и человек-говорящий (даже если мы рассматриваем только одну его ипостась – языковую личность) далеко не "исчерпывается "только одним этим видом компетенции" [Красных 2002:331]. Итак, разрабатывая речевой паспорт участников судебного дискурса, в частности его прагматическую составляющую, следует учитывать и языковую, и коммуникативную компетенцию.

При определении существенных характеристик участников судебного дискурса стоит учитывать и факторы, которые К.С. Серажим, вслед за В. Богдановым [Богданов 1987], определяет как такие, которые "в наибольшей степени определяют характер речевого общения" [Серажим 2003:110]. Из описанных исследователями характеристик коммуникантов для определения участников судебного дискурса принципиальными являются: языковая компетенция, "то есть знание коммуникантами определенного языкового кода, с помощью которого они обмениваются информацией" [Серажим 2003:110]; психологический тип и текущее психическое состояние; устоявшиеся взгляды, вкусы, привычки. Соглашаясь в целом с правильностью выделения указанных параметров исследования участников ситуаций общения, считаем необходимым несколько уточнить параметр "языковая компетенция". В связи с этим следует, вслед за Н.И. Формановской, дифференцировать: 1) языковую компетенцию, то есть "владение лексическими, грамматическими, фонетическими законами языка" [Формановская 2007:153], 2) коммуникативную компетенцию – "расширение своего словаря, упорядочение норм словоупотребления и грамматики, овладение культурой речи и правилами отбора для построения (адекватно ситуации) высказывания и текста" [Формановская 2007:153], 3) прагматическую компетенцию – "приобретения социально-культурного опыта, овладение законами общения, принципами и правилами коммуникативного взаимодействия, стратегиями и тактиками ведения разговора, гибкой системой речевых и коммуникативных актов" [Формановская 2007:153]. Итак, по нашему мнению, более уместно определить этот параметр характеристики коммуникантов как речевая, а не языковая компетенция.

Речевая компетенция является ключевым признаком участников судебного дискурса, по которому можно распознать профессиональных юристов и непрофессионалов. Профессиональные участники судебного слушания (судьи, прокурор, адвокат, эксперт и т.п.) имеют сформированные навыки использования средств официально-делового стиля речи, умение реализовать приемы аргументативного воздействия на судей или аргументативного и суггестивного воздействия на непрофессиональных участников процесса (присяжных, народных заседателей), владеют понятийным аппаратом той области права, в которой

происходит рассмотрение дела, и терминологией, связанной с ним и т.д. Для судей как организаторов всего судебного процесса, направленного на установление истины, обязательным требованием, которое определено Конституцией Украины, является владение украинским языком как государственным ("На должность судьи может быть рекомендован кандидатом квалификационной комиссией судей гражданин Украины не моложе двадцати пяти лет, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы в отрасли права не менее трех лет, проживающий в Украине не менее десяти лет и владеющий государственным языком" ст.127). Особенности языковой компетенции профессиональных участников судебного процесса достаточно точно определены В.С. Зубаревым, Л.П. Крысиным и В.Ф. Статкусом: "Опытные работники суда и прокуратуры, адвокаты обычно хорошо представляют, "что можно и чего нельзя" в юридическом тексте: какие слова употреблять стоит, а какие неуместны, какие строить предложения, каким должен быть порядок слов в том или ином случае и т.д. Однако во многом выбор является интуитивным. Специальных пособий, в которых давались бы рекомендации стилистического характера с учетом профессионального использования слова, почти нет; можно лишь сослаться на общие замечания, помещенные в юридической литературе (о том, например, что обвинительное заключение должно быть логичным и последовательным, что в нем недопустимы фразы, которые могут неоднозначно трактоваться, неточно употреблены юридические термины и т.д.)" [Зубарев 1976:5].

Но в судебных заседаниях участвуют и непрофессиональные ораторы, не имеющие специальной юридической подготовки (подозреваемый, истец и ответчик, свидетели и пр.), а следовательно, и соответствующего уровня речевой компетенции. Для участия таких лиц в судебном процессе необходимым условием является реализация трех факторов, которые сигнализируют об уровне языково-коммуникативной компетенции, связанный с реализацией принципа родного языка судопроизводства (т.е. возможности выступать в суде на родном языке, пользоваться в случае необходимости услугами переводчика): "1) способность выражать данный смысл многими языковыми средствами; 2) способность понимать смысл данного предложения и безошибочно распознавать синонимию и омонимию; 3) способность отличать правильные предложения от неправильных" [Губаева 1995:222-223]. Кроме того, непрофессиональные участники судебного дискурса вносят в судебный процесс элементы бытовой речи, местами – просторечие [Губаева 1995:239, 250].

Судебная коммуникация характеризуется высокой степенью социальной дистанцированности участников. На это влияет "авторитарный характер речевого взаимодействия, определенный личной деятельностью правоприменительных органов и должностных лиц при решении определенной правовой ситуации" [Губаева 1995:220]. Такие особенности судебного общения обуславливают потребность говорящих реализовывать приемы этикализации, определенные В.И. Карасиком [Карасик 2002:112]: 1) повышение статуса партнера (в нашем случае – судьи или процессуального оппонента); 2) выбор косвенных способов оформления речи, например, высказывание Уважаемый суд имел возможность исследовать... в речи, обращенной в суд. В судебном дискурсе полностью реализуется предположение В.И. Карасика, что вещание низшего по рангу в статусно-маркированном диалоге характеризуется большей сложностью и длительностью. Судьи как организаторы коммуникативного процесса больше слушают, чем говорят, а их высказывания являются наиболее простыми по строению и семантике, поскольку они должны быть понятны всем участникам общения, включая непрофессиональных.

Следовательно, коммуникативное поведение участников судебных процессов определено особенностями коммуникативной и прагматической структуры исследуемого типа дискурса, в частности его правовой регламентированностью, социальной маркировкой, диалогичностью, фиксированной сменой коммуникативных ролей и т.д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богданов В.В. Речевое общение // Язык и культура: Сб. статей. – М.: МГУ, 1987. – С. 49-57.

2. Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1995. – 301 с.
3. Зубарев В.С., Крысин Л.П., Статкус В.Ф. Язык и стиль обвинительного заключения. – М.: Юрид. лит., 1976. – 88 с.
4. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
5. Колтунова М.В. Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. – 228 с.
6. Красных В. Заметки на последней странице (некоторые размышления по поводу прочитанного) // Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с. – С. 325 – 331.
7. Серажим К.С. Дискурс як соціолінгвальний феномен сучасного комунікативного простору (методологічний, прагматико-семантичний і жанрово-лінгвістичний аспекти: на матеріалі політичного різновиду українського масовоінформаційного дискурсу): Дис... д-ра філол. наук: 10.01.08 / Київ. нац. ун-т ім. Т.Шевченка. Ін-т журналістики. – К., 2003. – 443 с.
8. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 209 с.
9. Тарасов Е.Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – С. 255 – 273.
10. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М.: Издательство «ИКАР», 2007. – 480 с.

**МЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ
ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ
(на примере англоязычной терминологии нефтегазовой отрасли)**

Ефремов А.А.

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

В настоящее время изучение механизмов формирования терминологической лексики в рамках когнитивного направления с учетом антропоцентрической научной парадигмы представляется актуальным. Принимая во внимание масштабы метафорической номинации как одного из продуктивных процессов порождения языковых единиц в современной речевой деятельности, следует признать метафору одним из важнейших источников формирования терминологий [Липилина 1998:24]. В последние десятилетия отмечается повышенный интерес к метафоре со стороны когнитологов, которые считают метафору средством познания действительности. Рассмотрению когнитивной концепции метафоры посвящена серия работ Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Ключевым положением этой концепции является утверждение, что «понятийная система, в рамках которой человек думает и действует, метафорична по своей природе, метафоры проникли в повседневную жизнь не только в языке, но в мыслях и действиях» [Lakoff, Johnson 1980:3] и «языковые выражения возможны именно потому, что метафоры имеются в самой концептуальной системе человека» [Lakoff, Johnson 1998:120]. Таким образом, метафоры играют ведущую роль в процессе концептуализации действительности, поскольку с их помощью можно установить аналогии между различными предметами и явлениями, позволяя применить знания и опыт, приобретённые в одной области для решения проблем в другой.

Метафоры нередко дают возможность «выразить трудновыразимое и обозначить то, для чего ещё нет прямого обозначения, причём выразить и обозначить, не увеличивая словарь единиц выражения и синтаксическую сложность» [Никитин 1979:101]. Следует отметить, что в языке специальной области знаний или сферы деятельности метафора не

просто является адекватной номинацией определённого концепта, но нередко оказывается вообще единственной номинацией объекта или процесса. Иными словами, «метафора – это и процесс, создающий новое значение языковых выражений в ходе их переосмысления, и способ создания языковой картины мира, возникающий в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения действительности, которые не даны в непосредственном ощущении» [Телия 1986:3].

В англоязычной научной литературе изучение места и роли метафор в специальных терминосистемах началось в 60-х годах XX века [Black 1962:317]. По мнению А. Вилдена, «...любая научная теория – это сеть метафор, и, более того, любое значение, включая научное, неизбежно метафорично» [Wilden 1980:46]. Безусловно «...если роль и значение метафор в терминообразовании и формировании новых терминосистем можно считать общепризнанными, то механизмы создания самих метафор по-прежнему остаются одной из ключевых проблем когнитологии» [Ивина 2003:50]. Как полагают многие лингвисты, термины-метафоры возникают на основе сходства объектов, принадлежащих к различным концептуальным областям. Так, по мнению Дж. Лакоффа, «метафоричные концепты осмысливаются и структурируются в терминах других концептов, что означает концептуализацию одного вида опыта или предметной области в терминах другого вида опыта или предметной области» [Lakoff 1993:208]. При этом процесс метафоризации происходит не хаотично, а подчиняясь некоторым объективным и субъективным факторам. Нельзя не согласиться с мнением Е.О. Шибановой [Шибанова 1999:93], которая считает, что материал для создания новых метафор черпается из областей, обладающих общей значимостью и популярностью. Это имеет существенное значение, поскольку обращение к конкретным областям-донорам уже само по себе способно вызывать определённый оценочный эффект, так как замена прямых наименований экспрессивными придаёт им иной колорит, и способна подчеркнуть наиболее значимые черты метафоризируемых понятий [Солганик 1980; Вендина 1999].

С целью выявления метафорических основ для переноса и областей-доноров нами был проведён номинативный и концептуальный анализ метафорических терминов нефтегазовой терминосистемы, по результатам которого было выделено восемь основных областей заимствования слов и словосочетаний для метафорической номинации субъектов, объектов, явлений и процессов, составляющих сущность терминосистемы нефтегазовой отрасли. Материалом для анализа послужила терминологическая лексика, представленная в терминологических словарях, справочниках, научных изданиях и специализированной периодике.

В ходе анализа практического материала были выделены термины метафорического образования, в основе которых лежит сходство одного признака понятий, или сходство нескольких признаков:

1) метафора по форме: finger (палец или упорка для фиксации верхнего конца бурильной свечи); V-door (V-образный приёмный желоб, служащий для перетаскивания труб на пол буровой); watermelon mill (арбузный фрез шаровой формы для резки отверстий в колонне обсадных труб).

2) метафора по функции: thief (прибор для отбора проб нефти или донного осадка из резервуара или трубопровода, нейтральный перевод: вор); trap (ловушка – часть природного резервуара, в которой, благодаря различным структурным смещениям, создаются условия для хранения нефти и газа); leg (нога, опора вышки).

3) метафора по сходству местоположения: formation base (подошва пласта – стратиграфически нижняя поверхность, ограничивающая пласт); formation roof (кровля пласта – стратиграфически верхняя поверхность, ограничивающая пласт); pump bonnet (крышка насоса).

4) метафора по производимому действию: to kill a well (заглушить скважину – предотвратить угрозу выброса из скважины); well stimulation (вызов притока в скважину); to

fish (производить ловильные работы – работы по извлечению на поверхность инструмента, оставленного в скважине).

5) метафора по сходству функции и эмоциональных впечатлений: to set up a deadman (производить работы по монтажу анкерного столба – якорь, к которому крепятся оттяжки буровой вышки).

Отметим, что разграничение метафорических переносов на основании объективных признаков (форма, местоположение, функция) является достаточно условным, ибо основанием для подобного переноса чаще всего служит сопоставление на ассоциативном уровне, а также эмоциональное восприятие объекта, без которого понятия будут трудносопоставимы.

При определении области-донора мы исходим из того, что привлечённое англоязычное слово или словосочетание по области применения и смысловому содержанию должно в наибольшей степени принадлежать тому или иному фрагменту картины мира. Привлечённые единицы, которые могут быть отнесены одновременно к нескольким областям-донорам, включаются в несколько групп.

К области-донору «мир человека» были отнесены такие лексические единицы, которые номинируют быт человека, куда входят предметы одежды и названия обуви, названия принадлежностей туалета, домашней утвари, частей тела человека, физическая и социальная жизнь человека: gas pocket (газовый карман), burn shoe (кольцевой фрез), sand band (песчаный прослой), sponge oil (поглощающая нефть), to knife a well (удалять парафин из скважины).

К области-донору «мир животных» относятся метафоры «зоосемизмы», в основе которых названия животных, птиц, насекомых: blind ram (глухая плашка), monkey board (балкон верхового рабочего), possum belly tank (ёмкость-отстойник для бурового раствора).

К «миру оценочных определений» относятся слова и словосочетания, содержащие качественную характеристику объектов, субъектов и явлений с достаточно ясно выраженной коннотацией: bad welds (дефекты литья у оборудования), hot oil (нефть, добытая из скважины сверх установленной нормы, незаконно добытая нефть), white oil (очищенная нефть).

К «миру растений» относятся метафоры «биосемизмы», в основе которых названия растений, их частей: watermelon mill (арбузный фрез), X-mass tree (фонтанная арматура), trunk pipeline (магистральный трубопровод), petal basket (лепестковая корзина).

К «миру оружия» относятся термины, в основе которых название оружия, военные термины: bomb (пробка, сбрасываемая в скважину для открытия муфты ступенчатого цементирования), gun (скважинный перфоратор), well shooter (специалист по торпедированию скважин).

К «миру моря» относятся термины, в основе которых названия, связанные с морской тематикой: rig mast (мачта буровой установки), fishing job (ловильные операции – операции по извлечению оборудования, оставленного в скважине), guy (оттяжка мачты буровой), anchor (якорь – приспособление для закрепления обсадных труб в скважине).

К «миру объектов и состояний» мы относим слова и словосочетания, номинирующие объекты, предметы, явления как находящиеся в статичном состоянии, так и в процессе их динамических изменений: well flowing (фонтанирующая скважина), well off (простаивающая скважина), tripping in (спуск инструмента в скважину), rig skidded (буровая установка, снятая со скважины)

В «мир пространственно-временной ориентации» входят единицы, номинирующие локализацию объектов и субъектов в пространстве и времени, а также по отношению друг к другу: inside repair (ремонт своими силами), in-place reserves (фактические запасы на месте залегания), off the shelf equipment (оборудование из наличного запаса, готовое к поставке).

В результате анализа английской терминосистемы нефтегазового дела мы пришли к выводу о количественном доминировании метафорических терминов из области-донора «мир человека», что указывает на преобладание в метафорическом терминообразовании

тенденции к антропонимизации термина, при которой отправной точкой для создания нового термина становится сам человек, все области его жизнедеятельности.

Таким образом, процесс метафорического терминообразования являясь когнитивным механизмом в создании новой терминологической единицы, представляет собой отражение переработанного научного знания, менталитета и опыта человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белоусов В.С. Самоучитель для переводчиков нефтегазовой промышленности с аудиокурсом. Английский язык – М.: Р. Валент. – 2009. – 656 с.
2. Белоусов В.С. Нефтегазовый иллюстрированный глоссарий. В 2т. Т.1, 2. Англо-русский – М.: Р. Валент, 2010. – 288 с.
3. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания. – 1999. – №2. – С. 27-49.
4. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): Учебно-методическое пособие. – М.: Академический Проект, 2003. – 304 с.
5. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004.
6. Липилина Л.А. Когнитивные аспекты семантики метафорических инноваций: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1998. – 24 с.
7. Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. – 1979. – №1. – С. 100 – 101.
8. Российская газовая энциклопедия / Гл. ред. Р. Вяхирев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. – 527 с.: ил.: карт.
9. Солганик Г.Я. Общие особенности языка газеты // Язык и стиль средств массовой информации. – М.: МГУ, 1980. – С.5 – 23.
10. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
11. Шибанова Е.О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики (на материале англоязычной прессы): Дисс... канд. филол. наук. – М., 1999. – 93 с.
12. Black M. Models and Metaphores. – Ithaca: Cornell University Press, 1962. – 317 p.
13. Lakoff, G., Johnson M. Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to Western thought. – New York: Basic Books, 1998. – 624 p.
14. Lakoff, G., Johnson M. Metaphores We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
15. L.M. Serednitskiy, R.J.FinleyWood's illustrated English-Russian/Russian-English petroleum technology dictionary, 1995.
16. Wilden A. System and Structure. Essays in Communication and Exchange. – 2nd ed. – New York: Tavistock Publications, 1980. – 273 p.

СИНКРЕТИЗМ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ И ПРИЧАСТНЫХ ОБОРОТОВ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Колесникова Т.В.

Астраханский государственный университет

Синкретизм семантико-синтаксических значений наряду с другими языковыми единицами может передаваться конструкциями, устанавливающими связь двух и более действий без формального выражения вида этой связи. На нечёткость значения конструкций, не имеющих формальных показателей вида связи, указывают в своих исследованиях Л.И.

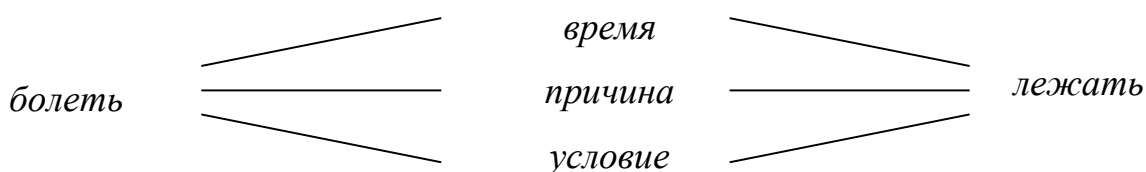
Байкеева [1966: 19], В.В. Елагина [1952: 235], Т.И.Орловская [1963: 86-94], М.С. Сухарева [1972:75].

Примерами таких конструкций во французском языке являются предложения, осложнённые деепричастными и причастными оборотами. Так, деепричастный оборот предложения *En apercevant l'agent de police et en me reconnaissant, Garofoli pâli*, можно, как отмечает В.Л. Жужикова [1968: 155], интерпретировать и как причинный, и как временной.

Синкретизм семантико-синтаксических значений в деепричастных и причастных оборотах закономерен и структурно обусловлен.

Два действия в объективной действительности могут находиться в разнообразных связях. Так, действия по значению глаголов *болеть* и *лежать* могут быть связаны временными (*Когда Н. болеет, он лежит*), причинными (*Так как Н. болеет, он лежит*), условными (*Если Н. болеет, он лежит*) отношениями.

Схематически набор возможных связей между этими двумя действиями можно изобразить следующим образом:

На наличие того или иного вида связи в приведённых выше предложениях указывает союз – актуализатор одного из возможных видов отношений между рассматриваемыми действиями.

Связь этих действий можно передать и с помощью следующей конструкции: *Болея, Н. лежит*.

В данном случае, в отличие от вышеприведённых примеров, вид связи двух действий не имеет эксплицитного выражения. Вследствие этого данная конструкция передаёт все три возможные между действиями по значению глаголов *болеть* и *лежать* отношения: временное, причинное и условное, то есть выражает три значения (время, причину и условие) в недифференцированном, нерасчленённом виде.

Указанные факты, а именно: возможность нескольких типов связи между двумя действиями и отсутствие в деепричастных и причастных оборотах формальных показателей вида связи с основным действием – служат основанием для предположения о том, что деепричастные и причастные обороты способны выражать синкретизм семантико-синтаксических значений.

Деепричастные и причастные обороты современного французского языка обладают большим семантическим потенциалом. Так, М. Гревис, например, выделяет у деепричастного оборота девять семантико-синтаксических значений, у причастного – шесть [M. Grevisse 1959: 686, 801].

Наличие синкретизма семантико-синтаксических значений в языковых единицах невозможно объяснить, исходя только из данных языка. Оно обусловлено, прежде всего, экстралингвистическими фактами: в реальной жизни причинные, временные, условные, целевые и другие отношения между предметами и явлениями часто переплетаются. Язык, функцией которого является выражение экстралингвистической реальности, не может не передавать факта переплетения, совмещения различных логических и хронологических связей. Но специальных грамматических средств выражения синкретизма семантико-синтаксических значений в русском и французском языках нет.

Следует, однако, оговориться, что придаточное предложение с союзом *comme* может передавать одновременно и каузальность, и темпоральность, но это не единственная и не основная функция данного союза. Поскольку он вводит и придаточное предложение, выражающее только причину или только время, постольку не может рассматриваться как

специальное грамматическое средство оформления каузально-темпорального синкретизма значений.

В организации семантики деепричастных и причастных оборотов наглядно проявляется взаимодействие лексического и грамматического уровней: обусловленный уже структурой оборота (отсутствие формальной детерминированности вида связи с основным действием), синкретизм семантико-синтаксических значений актуализируется, благодаря различным лексико-грамматическим средствам контекста, к которым относятся: взаимоотношения семантики глагола-сказуемого и причастия или деепричастия (лексический фактор); грамматические характеристики сказуемого (грамматический фактор); значение второстепенных членов оборота и основного состава предложения (лексико-грамматический фактор); внешний контекст.

Все указанные лексико-грамматические средства являются одновременно и факторами разрешения языкового синкретизма причастных и деепричастных оборотов при их функционировании в речи, и факторами сохранения, проявления его в речи – при этом они только частично разрешают языковой синкретизм рассматриваемых конструкций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Байкеева Л.И. Соотношение трансформационных преобразований в сфере сложно-подчинённого предложения, осложнённого причастным оборотом в функции обстоятельства причины // Вопросы английской филологии. – Ростов, 1966.- с. 19
2. Елагина В.В. Обстоятельства в современном французском языке. Канд. дис. М., 1952
3. Жужикова Н.К. Герундий во французском языке. // Уч.зап. Тамбовского пединститута, вып. ХХІУ. – Тамбов, 1968. с. 155
4. Орловская Т.И. Лексико-грамматические синонимы обстоятельства. Канд. дис. Л., 1963, с. 86-94
5. Сухарева М.С. Формы на *-ant* в системе современного французского языка и их функционирование в речи. Дис. На соискание ученой степени кандидата филол. Наук, М., 1972, с. 75
6. Grevisse M. Le bon usage. Paris, 1959, p. 686, 801

ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ У СТУДЕНТОВ ОПЫТА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кривых Л.Д.

Астраханский Государственный Университет

Результативность формирования у студентов опыта социальных отношений определена наличием внутриуровневой позитивной динамики социального взаимодействия по показателям компаративной эффективности. Показатели компаративной эффективности диверсифицированы: 1) эффективность, выраженная через процентное соотношение студентов, повысивших уровень сформированности опыта социальных отношений в экспериментальной группе по сравнению с контрольной группой; 2) эффективность, выраженная через процентное соотношение всех детерминантов по сравнению друг с другом.

Для диагностики уровня сформированности опыта социальных отношений был разработан многомерный тест, состоящий из 75 утверждений-субшкал, являющих собой ключевые представления-показатели сформированности определенного уровня у испытуемых – детерминанты. Приведем интерпретацию содержания детерминантов (Д).

Д 1. Коммуникабельность.

Результаты по данной субшкале характеризуют уровень коммуникабельности человека. Низкие баллы по этому показателю присущи человеку некоммуникабельному, замкнутому, неразговорчивому, предпочитающему одиночество, испытывающему определенные трудности в социальных контактах. Средние баллы показывают нормальную коммуникабельность тестируемого, его любознательность, умение быть терпеливым собеседником, не испытывать неприятных переживаний при социальных контактах; одновременно с этим неприятие шумных компаний, экстравагантных выходок и многословия. Высокие баллы характерны для людей общительных, любопытных, разговорчивых, любящих быть в центре внимания, высказывающихся по любым вопросам, даже выходящим за сферу их компетентности, везде чувствующих себя в своей тарелке.

Д 2. Терпимость.

Баллы по данному показателю говорят о том, допускает ли тестируемый существование иного, чем у него, мнения, относится ли к чужим взглядам с уважением. Низкие баллы по данному показателю свидетельствуют о непреклонности и упрямстве, стремлении навязать свое мнение другим, социальной позиции, выражаемой в неконструктивном и неадекватном по форме проявления поведении. Средние баллы являются признаком умения выстраивать процесс коммуникации и в случае необходимости менять свои убеждения, с одной стороны, но и способности твердо отстаивать свои взгляды, с другой стороны – однако либо достаточно бессистемно, либо с переменным успехом вследствие недостаточной гибкости. Высокие баллы по данной субшкале характерны для человека, сочетающего твердость убеждений с тонкостью и гибкостью ума, умением принимать и понимать разные идеи, даже не разделяя их; человека, способного критически отнестись к своему мнению и отказаться от него, относящегося к собеседнику с уважением и тактом.

Д 3. Оптимизм.

Значения баллов в данном случае отражают эмоциональную гамму восприятия жизни: от болезненного пессимизма, негативного мировоззрения (низкие баллы), в целом, трезвого, реалистического взгляда на мир с колебанием оптимистически/пессимистических настроений (средние баллы), до преобладающего/абсолютного оптимизма, разумно-позитивного мышления, мировоззрения и отношения к миру (высокие баллы).

Д 4. Самоконтроль в общении.

Баллы показывают уровень коммуникативного контроля. Низкие баллы – низкий коммуникативный контроль, прямолинейность, плохая адаптация и не способность изменяться в зависимости от ситуации. Средние баллы – средний коммуникативный контроль, определенная несдержанность в эмоциональных проявлениях, определенный конформизм. Высокие баллы – высокий коммуникативный контроль, гибкость в реагировании на изменение ситуации, соответствие ролевого поведения социальным ожиданиям без особых внутренних конфликтов и в гармоничном сочетании социальных ролей и индивидуальности личности их исполнителя; высокая степень социальной адаптации равно как и высокий порог надситуативной неадаптивной активности.

Д 5. Коммуникативные умения.

Субшкала включает в себя умения оценить собеседника, определить его сильные и слабые стороны, установить дружескую атмосферу, понять проблему, слушать и «слышать». При низких баллах констатируем, что «обратная связь» не работает – в общении субъект не понимает собеседника и не способен довести до его сознания свои мысли и эмоции ни вербальными ни невербальными средствами. При средних – «обратная связь» носит ситуативный характер, элементы анализа индивидуализированных поведенческих реакций собеседника присутствуют, но без должных сопутствующих выводов – собственные поведенческие реакции либо не корректируются либо подвергаются ошибочной корректировке, или скорректированы успешно, но одномоментно и бессистемно. Высокие баллы свидетельствуют о том, что «обратная связь» осуществляется на систематической

основе через широкий спектр вербальных и невербальных средств, тестируемый – отличный собеседник, чей стиль общения – пример для окружающих.

Д 6. Тенденции поведения в группе.

Баллы отражают основные тенденции поведения человека на микроуровне: зависимость-независимость, общительность-необщительность, принятие «борьбы» и избегание «борьбы». Данная субшкала является дополнительной, штриховочной к прочим субшкалам, акцентируя внимание на степени внутреннего стремления индивида к принятию социальных ценностей группы, контактности и стремления образовать внутри- и внешне-групповые связи, активности стремления участвовать в жизни группы, добиваясь более высокого статуса по иерархии межличностных взаимоотношений. На другом полюсе – стремление личности уйти от взаимодействия, сохранить нейтралитет в спорах и конфликтах внутри группы, склонность к компромиссным решениям.

Д 7. Конфликтность поведения.

Данная субшкала позволяет изучить личностную предрасположенность к конфликтному поведению. Низкие баллы означают предпочтение избегания конфликта, как способа его урегулирования - успех не достигнут; средние баллы означают предпочтение таких форм поведения, как конкуренция (стремление добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому), приспособление (принесение в жертву собственных интересов ради другого) и компромисс – успех либо достигнут только одной стороной, либо не достигнут; высокие баллы знаменуют ситуацию сотрудничества (альтернатива, полностью удовлетворяющая интересы обеих сторон) – успех достигнут, обе стороны в выигрыше.

Д 8. Агрессивность.

Баллами измеряется степень агрессивности в ее проявлениях: физическая и вербальная агрессия, раздражение, обида, подозрительность. Соответственно, низкие баллы означают излишнюю агрессивность, неуравновешенность и жестокость по отношению к другим, средние баллы свидетельствуют об умеренной агрессии и достаточного честолюбия и самоуверенности, а высокие баллы говорят о миролюбивости, иногда чрезмерной.

Д 9. Личностная направленность.

С помощью данной субшкалы выявляются: (в случае низких баллов) направленность на себя (Я), как ориентация на прямое вознаграждение и удовлетворение безотносительно работы и сотрудников, агрессивность, стремление к достижению статуса любой ценой, властность, раздражительность, поведение соперничества; (в случае средних баллов) направленность на общение (О), как стремление поддерживать отношения с людьми безотносительно ситуации, ориентация на совместную деятельность, но часто в ущерб выполнения конкретных заданий, ориентация на социальное одобрение, условная социальная зрелость, зависимость от группы, социальных требований; (в случае высоких баллов) направленность на дело (Д), как заинтересованность в решении деловых проблем, определенный перфекционизм, ориентация на деловое сотрудничество, социальная зрелость, приоритет креативно-преобразующей деятельности в широкомасштабном и даже глобальном формате, социальная мобильность, социальная активность и инициативность, способность отстаивать идеи в интересах дела.

Д 10. Мотивация достижения.

Баллы по данному показателю показывают различную степень мотивации достижения. Чем выше мотивация достижения, как стремление к улучшению результатов, неудовлетворенность достигнутым, настойчивость в достижении своих целей, стремление добиться задуманного, тем более успешна жизнедеятельность. Соответственно, чем выше набранные баллы, тем больше это свидетельствует об уверенности в успешном исходе, тем более личность готова принять на себя ответственность, решительна в неопределенных ситуациях, настойчива в достижении цели, получает удовольствие от решения сложных и интересных задач, не теряется в условиях соревнования, упорна при столкновении с препятствиями.

Д 11. Умение решать проблемы.

Умение разрешать возникающие проблемы – важная составляющая социальной компетентности. При низких баллах данное умение несформировано, тестируемый не умеет правильно «расправляться» с бедами, предпочитает замыкаться в себе, пожалеть себя. При средних баллах умение сформировано таким образом, что, подчас, «проклиная судьбу», тестируемый склонен «выплеснуть» свои проблемы на других, получая в одностороннем порядке сочувствие и сопереживание. При высоких баллах, тестируемый душевно уравновешен, не жалея себя, умеет верно оценить проблемы и решает их.

Д 12. Уверенность в себе.

Значения баллов по данной субшкале отражают самооценку и степень уверенности в себе. Низкие баллы характерны для человека, мало доверяющего себе, весьма неуверенного, с заниженной самооценкой. Средние баллы характеризуют человека, производящего впечатление весьма уверенного в себе человека, но не являющегося таковым. Высокие баллы означают уверенность в себе, подкрепленную адекватной самооценкой и уравновешенностью.

Д 13. Креативность.

Значения баллов по данной субшкале отражают креативность, творческий потенциал. Низкие баллы – показатель невысокой степени креативности, средние баллы свидетельствуют об определенном творческом потенциале и обладании качествами, которые позволяют творить, однако и о проблемах, тормозящих процесс творчества. Высокие баллы говорят о значительном творческом потенциале, который предоставляет богатый выбор творческих возможностей, применяемых в разнообразных формах творчества.

Д 14. Харизматичность.

Значения баллов по данной субшкале выражают степень личного обаяния, социальной привлекательности, в высшем проявлении – харизматичности. Низкие баллы свидетельствуют об отсутствии обаяния вкупе с чувством собственного достоинства, отсутствии любви к себе. Средние баллы свидетельствуют о том, что человек не слишком любим окружающими, не может завоевать их расположения вследствие нерешительности, неуверенности в собственной правоте и должен сначала «очаровать самого себя». Высокие баллы – показатель того, что человек обаятелен, приятен в общении, с чувством собственного достоинства и без излишней суетливости, в высшем проявлении – харизматичен.

Д 15. Самообладание.

Баллы по данному показателю говорят о том, насколько тестируемый владеет собой, какова степень его самообладания, эмоциональности и импульсивности. Низкие баллы – высокая степень эмоциональности, низкий порог самоконтроля. Средние баллы – некоторая доля импульсивности, недостаточный самоконтроль. Высокие баллы – исключительный самоконтроль, уравновешенность.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Знаете ли вы себя? 80 популярных тестов: [сборник]/сост.: М.А. Земнов, В.А. Миронов. – М.: изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2008.- 151 с.
2. Психологические Тесты: в 2 т. Т. 1 [Текст] / под ред. А.А. Карелина. — М.: Владос, 2000. – 312 с.: ил.; 21 см. -ISBN 5-691-00341-0.
3. Психологические Тесты: в 2 т. Т. 2 [Текст] / под ред. А.А. Карелина. — М.: Владос, 2000. – 248 с.: ил.; 21 см. -ISBN 5-691-00342-9.
4. Шевандрин, Н.И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности: учеб. для вузов [Текст] / Н.И. Шевандрин. – 2-е изд. — М.: Владос, 2001. – 508 с. - ISBN 5-691-00845-5.

ЯВЛЕНИЕ СИНЕСТЕЗИИ

Левчина И.Б.

Военно-морского инженерного института (филиала)
ВУНЦ ВМФ «ВМА имени Кузнецова», г. Санкт-Петербург

Формирование картины мира у человека начинается с непосредственного его восприятия в чувственных ощущениях. В процессе восприятия – синтеза разнообразных ощущений, получаемых от целостных предметов и явлений – субъект способен конструировать параметры, не данные непосредственно в ощущениях. Физиологический синкретизм восприятия и ассоциации чувственных ощущений стали основой явления синестезии.

Осмысление феномена синестезии начинается с изучения основных положений теории ощущений, изложенных в трудах философов со времен античности до наших дней. Древнегреческих исследователей интересует принцип воздействия внешних стимулов на воспринимающие органы и возможность связи между ощущениями, следствием чего становится выдвинутое Аристотелем предположение о физиологическом синкретизме ощущений.

Традиции ранних учений о перцептивных системах были продолжены философами-сенсуалистами, признающими "чувственные качества" разнообразными движениями материи, и Д. Юмом, высказавшим мысль о невозможности познания мира с помощью какого-то одного органа чувств.

Изучение феномена соощущений невозможно без учета теоретических знаний, накопленных психологией. Открытый в 1826 году феномен соощущений, объясненный как перенос возбуждения с одного чувствительного элемента в области центральной нервной системы на другой, стал предметом пристального внимания многих поколений отечественных и зарубежных исследователей, в результате чего определились параметры понимания этого явления. Согласно "универсальной" трактовке, синестезия - это любое взаимодействие ощущений, "всеобщий феномен", в "узком" понимании - явление индивидуальное, характеризующее сенсорные переживания лишь некоторых индивидов, в "широком" - возникновение ощущений одной модальности под воздействием раздражения другой модальности.

Интересно мнение Яньшина о том, что «синестезия - это не только универсальный оператор взаимоотношений материала модальностей, но и “слепок” наиболее обобщенных системных связей объективного мира в той форме, в которой они раскрываются в отношении к целостному субъекту» [Яньшин, 2001: 3].

Как считает Е.А. Лупенко: «ощущение таких качеств, как светлое-темное, мягкое-твердое, высокое-низкое, холодное-теплое, легкое-тяжелое и др. носит интермодальный характер. При этом идентичные качества разных модальностей сенсорно не ощущаются, а возникает субъективное экспрессивное личностное впечатление сходства при одновременном восприятии сенсорных различий данных модальностей. Восприятие объекта одной модальности наделяется определенной эмоционально-смысловой нагрузкой, символикой. Подобного же рода оценка складывается в процессе восприятия объекта другой модальности. Именно результатом неосознанного уподобления через общность таких оценок является возникновение связей, соответствий между объектами разных модальностей. При участии механизмов синестезии и языковой метафоры происходит установление сходства с семантически подобным объектом. Таким образом, синестезия является системным механизмом, в основе которого лежит процесс эмоционального обобщения, что проявляется на семантическом уровне в общности эмоционально-оценочных свойств объектов разной модальности. Синестезия обеспечивает связь между ощущениями разных модальностей, позволяет инвариантно воспринимать разномодальные объекты и на основе восприятия одной модальности реконструировать целостный образ» [Лупенко, 2005: 1].

С точки зрения Галеева «синестезия, по крайней мере, если речь идет о той, что используется в языке и в искусстве - это не "соощущения", это скорее "со-представление", "со-чувствование". По психологической своей природе это есть ассоциация, конкретно - межчувственная ассоциация. И как любая ассоциация, она может быть либо пассивной, либо активной (творческой), с разной степенью переживания» [Галеев, 2007: 1]. Он продолжает свою мысль, утверждая, что «в той мере, как един сам мир, целостна и отражающая его сенсорно-перцептивная система. А целостность любой системы, как известно, обеспечивается внутренними связями в ней. Это "взаимное действие" органов чувств в акте восприятия и, кроме того, такие, менее очевидные, формы их "взаимодействия", как взаимная сенсбилизация и межчувственная ассоциация (т.е. синестезия). Как бы то ни было, важно напомнить, что "сопоставления", "сравнения" – пусть и межчувственные, – эти процессы, которые как известно, относятся уже к мыслительным, хотя и осуществляются они, в основном, в подсознании и, к тому же, в непосредственно чувственно-образной форме. В связи со всем этим синестезию следует отнести к проявлениям невербального мышления, причем даже более сложного, чем, положим, просто визуальное, просто музыкальное мышление, ибо здесь в процесс сопоставлений вовлечена уже вся сенсорная система, во всем ее полимодальном многообразии! При этом, результаты такового этого мышления, выходя на свет сознания, могут фиксироваться не только в сенсорно-чувственном материале, но и опосредованно, в слове» [Галеев, 2003: 270-274].

Синестезия находит отражение в языке, поскольку филогенетический аспект взаимодействия ощущений связывается с проблемой происхождения языка. Изучение данного феномена в лингвистике начинается с конца XIX века в связи с появлением работ, в которых синестезия трактовалась как логическая операция, результатом чего был перенос понятия из одной чувственной сферы в другую.

Некоторые рассматривают данный феномен как вид метафоры. Отдельные исследователи считают, что метафора возникает из синестезии, а не наоборот [Bretones Callejas, 2001: 13].

Можно с большой долей уверенности утверждать, что «интеграция» становится сегодня одним из ключевых понятий целого ряда наук, объектом внимания которых является человек. Представляется, что смена общенаучных парадигм, тенденция к сближению различных сфер знания служит одной из причин того, что вопрос синестезии получает столь широкое освещение у современных ученых, работающих в разных направлениях. Вопрос синестезии затрагивается в связи с такими глобальными проблемами гуманитарного знания, как язык и мышление, разум и эмоции, формирование образа мира и образов сознания. Представляется значимым, что в дефинициях синестезии ряда современных авторов появляются не традиционные термины «явление», «феномен», а такие, как «механизм», «состояние», «способность». Эти уточнения позволяют говорить о том, что наряду со сбором и анализом конкретных фактов проявления интермодальности, а также обсуждением причин ее возникновения, предпринимается попытка осмыслить роль синестезии в процессах мышления, памяти, получения и представления знаний об окружающем мире. Ученые видят в раскрытии тайн синестезии ключ не только к объяснению процессов восприятия (традиционно синестезией интересовалась психология ощущений и восприятия), но и к загадке сознания в целом.

Нельзя не отметить также тенденцию к установлению диалога между разными подходами к проблеме интермодальной общности ощущений. Исследователи приходят к мысли, что разного рода факторы, влияющие на «сцепления» разномодальных ощущений и представлений, не только не исключают, но и зачастую обуславливают друг друга.

К сожалению, не существует удовлетворительной теории синестезии, как не существует единой трактовки самого этого понятия и при перечислении различных подходов к вопросу о том, что может вызывать синестезию, становится ясно, что мы ещё далеки от получения точного представления о её структуре.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Галеев Б.М. Что такое синестезия: мифы и реальность // Сайт НИИ «Прометей» (16.04.07) URL: http://prometheus.kai.ru/mif_r.htm. (дата обращения 10.09.2009)
2. Галеев Б.М. Кто должен изучать синестезию? // Ежегодник Российского психологического общества. Материалы III Всероссийского съезда психологов. 25-28 июня 2003 г. - Т.2. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2003 – С. 270-274.
3. Лупенко Е.А. О психологической природе явления синестезии // Сайт института психологии РАН (сентябрь 2005) URL: http://www.ipras.ru/ponomarev/abstracts_rus/Sessions/Lupenko.html (дата обращения 10.09.2009)
4. Яньшин П.В. Синестетический изоморфизм мира и образа // Психология и психосемантика текста // Образовательный ресурс профессора П.В. Яньшина. (2003) <http://colormind.narod.ru/YanshinMonograph/YnshinMngrph5-4.htm> (дата обращения 10.06.2009)
5. Carmen Ma Bretones Callejas Synaesthetic Metaphors in English. (2001) <http://bretones@icsi.berleley.edu>. (дата обращения 10.09.2009)

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА (В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Малиновская А.Г.

Астраханский государственный университет

На данном этапе развития общества социальная активность молодежи в различных сферах деятельности резко повысилась, и для того, чтобы исключить элемент стихийности действий молодого поколения и целенаправленно формировать современную молодежную культуру, необходимо представлять реальную картину категориальных и речевых предпочтений современной молодежи. В связи с тем, что в обществе размываются границы социально-культурных слоев и средствами манипуляции сознанием молодежи становятся телевидение, газеты, кинофильмы и т. д., целесообразно рассмотреть различные аспекты связи с другими языковыми пластами и воздействия на молодежный жаргон многообразных явлений окружающей среды.

Молодёжная культура - это свой, ни на что не похожий мир. Он отличается от взрослого своей экспрессивной, порой даже резкой и грубой, манерой выражать мысли, чувства, неким словесным абсурдом, который могут употреблять только молодые люди, смелые и решительные, настроенные против всего мира и создавшие свой неповторимый мир. Как следствие этого - возникновение молодёжного жаргона.

Одна из значимых характеристик молодежной речи – ее «первобытность». Ассоциация с языком какого-нибудь первобытного общества возникает, когда педагоги наблюдают нестабильность, постоянную изменчивость жаргона как во временном, так и в пространственном измерении. Не успев закрепиться, одни формы речи уступают место другим.

Молодежный жаргон представляет собой вербализованные знания молодежи о мире, их представления об иерархии ценностей, отношении к фактам действительности. Речевые коды, используемые в молодежной среде, имеют разнообразную функциональную направленность. Наиболее простые речевые коды используются при идентификации носителя как представителя молодежной культуры без дифференциации его интересов, т.е. речь идет о лексике, достаточно широко известной, что может дополняться и особым построением разговорного текста, имеющего игровой, неформальный характер. Деление субъектов в ходе коммуникативного акта идет по трехчленному принципу: свой — друг — антагонист. Свой — это представитель молодежной культуры, независимо от

принадлежности к какому-либо объединению внутри нее. Друг - человек, не являющийся представителем молодежной культуры, но знающий ее законы и готовый принять участие в общении, хотя несовпадение статусов осознается. Обмен вербальными кодами при подобном общении представляет попытку установить контакт с представителями другого поколения. Антагонист - человек, общение с которым по молодежным законам невозможно.

Для выбора модели поведения при коммуникативном акте, имеющем целью определение статуса говорящего как представителя молодежной культуры в целом, применяются такие жаргонные слова, которые не требуют творческого подхода при их использовании и понимании, обладают устойчивым смыслом, выражают эмоции, и говорящий с их помощью может однозначно позиционировать себя в качестве одного из трех типов субъектов. Лексические единицы, используемые при этом, выступают в качестве своеобразных маяков, и установка идет в первую очередь на декодирование информации.

Отмечается, что, в отличие от других видов жаргонов, молодежный жаргон не предназначен для того, чтобы сделать речь их носителей недоступной для посторонних лиц [Матюшенко, 2004: 57]. Он является скорее «общественным развлечением». То есть через эту форму языка проявляется стремление молодежи подчеркнуть свой особый статус в обществе.

Хотя далеко не все в жаргоне приемлемо, он заметно украшает английскую речь своей живостью, гибкостью и неожиданным остроумием. За многие века своего существования некоторые жаргонные словечки, вышедшие из «низов», проникли и закрепились в литературном английском языке. Так, например, в настоящее время никто не усомнится в респектабельности слова *lunch*, а ведь это слово начинало свою жизнь в недрах жаргона, так же как *bus*, *fun* и многие другие.

То, что до недавних пор именовалось сленг, социальный диалект или профессиональный жаргон, считалось ниже стандартов речи образованных людей и не рекомендовалось для употребления, сейчас звучит из уст профессоров, бизнесменов, политических деятелей, со страниц прессы и экранов телевизоров.

No-brainer - из молодежного жаргона давно уже перешло в обиходную речь и является эквивалентом нашего молодежного «это ежу ясно»

Достаточно популярны и повсеместно употребимы фраземы: **he's a real pro (professional)** – «он настоящий профессионал», **Info** вместо **information**, **demo** вместо **demonstration**.

Полнозначные слова типа **happy**, вдруг превращаются в модные суффиксы, со значением «энтузиаст, любитель» - **buck-happy**, **car-happy**, **rock-happy** и так далее, до бесконечности [Голденков, 1997: 34-50].

Подростковая речь характеризуется "телеграфным стилем", который укореняется благодаря появлению мобильных телефонов с сервисом **SMS**, электронной почты, **ICQ** и интернет-чатов. Соответственно, в языке подростков все чаще встречаются простые конструкции, с помощью которых можно максимально быстро передать свою мысль. Например, новое существительное **podcast** - подростки называют им цифровую запись радио и иных программ, которую можно скачать из интернета для последующего прослушивания.

Однако гораздо более выразительными выступают другие словечки, придуманные девочками. Например, **prostitot** - ребенок, одетый как поп-звезда, **chicken head** - некрасивая девочка или **lollipopalooza** - сборище привлекательных молодых людей. Последнее, фонетически звучащее и по-русски неплохо, восходит к известному даже нашим школьникам английскому слову **lollipop/lollypop** - леденец. Так американские девчонки уже давно именуют на сленге понравившихся мальчиков.

Таким образом, английский язык, как и любой другой, постоянно развивается. И так как современный английский язык стремительно пополняется за счет заимствования англицизмов, необходимо всестороннее и более детальное изучение данной проблемы.

Молодежный жаргон представляет собой интереснейший лингвистический феномен, бытование которого ограничено не только определенными возрастными рамками, как это

ясно из самой его номинации, но и социальными, временными, пространственными рамками. Он бытует в среде городской учащейся молодежи и отдельных более или менее замкнутых референтных группах. Как все социальные диалекты, он представляет собой только лексикон, который питается соками общенационального языка, живет на его фонетической и грамматической почве.

Жаргон - явление нестабильное, неустойчивое, связанное с определенным временем, поэтому, не будучи зафиксировано в словарях, исчезает вместе с профессиями, политической ситуацией, групповыми интересами, своеобразием поколения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голденков М. Осторожно! Hot dog! Современный активный English/ - Мн.: ООО «Инпредо», 1997, 84 с.
2. Запесоцкий А. С., Фаин Л. П. 1990 Эта непонятная молодежь. М., 1990, 20 – 26 с.
3. Копыленко М.М. О семантической природе молодежного жаргона // Социолингвистические исследования. - М., 2006, 144 с.
4. Матюшенко, Е.Е. Наиболее употребительные семантические группы фразеологических единиц речи молодежи / Е.Е. Матюшенко // VIII региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. г. Волгоград, 11-14 нояб. 2003 г.: тез. докл. Напр. 13 «Филология». - Волгоград: Перемена, 2004, 57 – 59 с.

ОСОБЕННОСТИ СРАВНЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ АВСТРИЙСКОГО МОДЕРНИЗМА

Мананникова В. Г.

Российский государственный университет им. И. Канта,
г. Калининград

Как известно, *сравнения*, наряду с метафорами и метонимиями, являются приемам стилистической выразительности, тропами. В основе возникновения тропа лежит соотнесение двух явлений, из которых одно служит для пояснения другого. При этом стоит подчеркнуть, что тропы - это не только «образная сетка», через которую воспринимается мир, но и определенное субъективное отношение к миру, обуславливающее не только характер видения мира, но и его ощущение [Брандес 1990: 288-289].

Сравнение является одним из широко используемых образных средств в художественной литературе. Однако, это не исключительно литературоведческая или лингвистическая категория. Сравнения исследуются и в философии, логике. Подобный интерес к сравнению с позиций различных областей науки объясняется тем, что способность сопоставления понятий о предметах или явлениях обеспечивает познание человеком окружающего мира.

В лингвистике под сравнением понимают «логико-семантическую мыслительную операцию, включающую в себя установление сходства между двумя реалиями внеязыковой действительности и выражающуюся в трех составных частях: субъекте сравнения (то, что сравнивается), объекте сравнения (то, с чем сравнивается) и признаке сравнения (общее у сравниваемых реалий)» [Ушакова 2005: 3].

Что касается художественной литературе, то здесь необходимо помнить, что сравнение является средством создания образности и сравниваться могут два понятия из различных смысловых областей, в результате чего возникает новое, «третье представление» [Богатырева, Ноздрина 2005: 133], которое не совпадает ни с первым, ни со вторым понятием.

Сравнение может выполнять в тексте различные функции, среди которых изобразительная, оценочная (аксиологическая), функция создания сатирического эффекта.

Исследователь А. А. Рыженкова подчеркивает важность *аксиологической функции* сравнения, поскольку оно, базируясь на культурно-национальном видении мира, отражает важнейшие ценности общности людей [Рыженкова 2009: 8]. Однако сравнение выполняет и *гносеологическую функцию*, так как в художественных произведениях оно отображает процесс познания, идентификации действительности, а как заметил А. А. Потебня, «самый процесс познания есть процесс сравнения» [Потебня 1997: 75].

Виды сравнений выделяются согласно ряду критериев. Так, по своей сущности и прагматическому воздействию сравнения делятся на *логические* и *образные*. Логические сравнения «реализуют описательную, иллюстративно-объяснительную функцию, позволяют соотнести фрагменты картины мира, установить логические связи» [Марьянич 2009: 98] и основаны на прямом значении сравниваемых понятий. В свою очередь образные сравнения возникают на основе переносного «метафорического значения» слов [Ризель, Шендельс 1975: 208] и реализуют в основном экспрессивную, оценочную функцию при создании образа и эмоциональной окраски.

По степени распространенности и частотности употребления выделяются *индивидуальные (оказиональные), языковые (устойчивые)* и «*поблекшие*» сравнения [Ризель, Шендельс 1975: 210].

Согласно структуре сравнений выделяются *краткие, распространенные* и *сравнения, образующие семантическое единство* [Ризель, Шендельс 1975: 211].

Интенсивность использования сравнений по разным причинам в разных литературах и в разные эпохи может быть неодинаковой. В нашей статье мы предлагаем рассмотреть сравнения, как один из ведущих стилистических приемов в литературе австрийского модернизма, а именно в текстах одного из таких ярких его представителей как Роберт Музил (1880-1942).

Использование сравнений, столь характерное для творчества Роберта Музиля, обусловлено рядом причин.

Во-первых, увлечение философией, в особенности проблемами человеческого бытия, проблеме слияния интеллектуального и интуитивного познания, привело к тому, что писатель выделял область «рациоидного» (все объяснимое, сводимое к закону и правилу) и «нерациоидного» (область идей, оценок, ценностей, этических и эстетических отношений). При этом образное представление мира «нерациоидного» противопоставляется в произведениях безобразному в основе своей описанию мира «рациоидного» [Солодилова 2000: 12]. Тема синтеза этих двух областей является центральной в творчестве Р. Музиля.

Во-вторых, писатель скептически относился к возможностям человеческого языка адекватно отражать сложные процессы, происходящие в начале 20 века (философские идеи Ф. Ницше, З. Фрейда, происходящее параллельно с крахом империи Габсбургов крушение однозначности старого, привычного мира, мира норм и ценностей, и т. д.). Недовольство языком становится импульсом к его преобразованию. Поскольку с помощью простого языка невозможно передать образ реальности, то речь уже идет о том, чтобы представить реальность с помощью образов. Это и обусловило преобладание в текстах Р. Музиля сравнений, которые уничтожают принцип однозначного упорядочивания называемых объектов. При этом сравнение у Р. Музиля – это сложное сочетание сходства и различия, которое сложно понять, но можно почувствовать. Писателем часто сравниваются противоположные по своему значению вещи, чтобы передать впечатление и ощущение от соприкосновения с каким-либо предметом или явлением. Так, например, в самом известном романе Р. Музиля "Der Mann ohne Eigenschaften" автор передает впечатление от увиденной посреди зимы прошлогодней травы:

"In den Ritzen zwischen den Pflastersteinen wuchs Gras; es war vom Vorjahr und sah unwahrscheinlich frisch aus, wie eine Leiche, die im Schnee gelegen hat..." (Musil 1988: 114).

Особенный эффект возникает в результате сопоставления "несопоставимого": невероятная свежесть травы сравнивается с противоположным явлением – мертвым телом. Основой для сравнения стала сема противоположности обоих явлений, их неуместности:

несмотря на видимую свежесть, прошлогодняя трава является такой же мертвой, как труп, который пролежал в снегу и только за счет этого сохранился, а не сгнил, что было бы более естественно. В то же время сравнение действует, скорее, на уровне ощущений - вид обычной травы становится неприятным, вызывает отвращение, несмотря на ее "свежесть".

Все сравнения в текстах произведений Р. Музиля являются индивидуальными, устойчивые сравнения не встречаются. Данное обстоятельство объясняется тем, что сравнения являются основным понятием философской и эстетической концепции писателя и становятся новым способом познания истинной действительности, действующим на уровне чувств, тем самым способом "выражения невыразимого". Используя сравнения, автор очень аккуратно, ненавязчиво детерминирует те или иные явления, давая читателю возможность самому представить и почувствовать, возможно, даже познать истинную суть вещей.

Анализ таких романов Р. Музиля как упомянутый выше *"Der Mann ohne Eigenschaften"* и *"Die Verwirrungen des Zöglings Törleß"* показал, что сравнения писателя довольно разнообразны по своей семантической наполненности и область сравниваемых понятий велика, в частности они используются для:

- иллюстрации окружающего мира,
- характеристики героев, их чувств и эмоций,
- репрезентации серьезных философских идей.

Однако чаще всего в качестве сравниваемых понятий у Р. Музиля выступают абстрактные феномены: ощущения, чувства, мыслительные процессы, и они сравниваются с предметами реального мира, природой, животными. Писатель использует сравнения как инструмент познания мира эмоций, чувств, т. е. мира внутреннего, а через него и познание мира внешнего. Другими словами, Р. Музиль подходит к своему «нерациональному» материалу с «рациональным инструментарием» [Белобратов 1990: 61]. Писателя интересует больше внутренний мир, нежели внешний, поскольку внешний мир является лишь декорацией, а истину можно познать только во внутреннем мире. Рассмотрим подробнее некоторые особенности сравнений.

В романе *"Die Verwirrungen des Zöglings Törleß"* описание жизни и поступков воспитанников интерната является внешним фоном. Гораздо большую художественную и философскую значимость имеет здесь изображение внутреннего мира главного героя Терлесса, через который и преломляются все внешние события. Так, в начале романа мы сталкиваемся с описанием чувства Терлесса - ребенка, переживающего разлуку с родителями:

"Er sah alles nur wie durch einen Schleier und hatte selbst untermtags häufig Mühe, ein hartnäckiges Schluchzen hinabzuwürdigen" (Musil 2008: 9), - тоска затмевает все остальные чувства и события, через нее преломляется вся действительность, становясь нечеткой, расплывчатой. Сравнимая с "вуалью", тоска становится завесой от всего мира. Единственной отрадой Терлесса остаются письма, которые он пишет родителям.

"Wenn er aber schrieb, fühlte er etwas Auszeichnendes, Exklusives in sich; wie eine Insel voll wunderbarer Sonnen und Farben hob sich etwas in ihm aus dem Meere grauer Empfindungen heraus, das ihn Tag um Tag kalt und gleichgültig umdrängte. Und wenn er untermtags, bei den Spielen oder im Unterrichte, daran dachte, dass er abends seinen Brief schreiben werde, so war es ihm, als trüge er an unsichtbarer Kette einen goldenen Schlüssel verborgen, mit dem er, wenn es niemand sieht, das Tor von wunderbaren Gärten öffnen werde"(Musil 2008: 9-10).

В данном текстовом фрагменте изображено внутреннее состояние героя, погруженного в мир собственных чувств, сравниваемый автором с неведомым «нечто» (etwas), которое подобно «острову с волшебными солнцами и красками». Сам Терлесс, думая о родительском доме, ощущает себя так, словно он является обладателем золотого ключа к чудесному саду. Здесь неясное, не поддающееся объяснению вновь передается через яркие, красочные образы, заимствованные из сказок. И в первом, и во втором сравнении доминируют темы "тепло", "комфорт", "чудо", так подходящие к словосочетанию "родительская любовь". Но разлука и самостоятельная жизнь берут свое: чувства меняются, ребенок взрослеет. В

ощущениях уже нет той теплоты и уюта, их сменяет чувство дискомфорта: так передается переходное состояние между детством и юношеством с его, пусть еще не "зрелой", самостоятельностью.

Теперь все кажется ему чужим и безжизненным, как будто заимствованным из представления в кукольном театре:

"Gegenstände und Menschen hatten etwas Gleichgültiges, Lebloses, Mechanisches an sich, als seien sie aus der Szene eines Puppentheaters genommen" (Musil 2008: 7), что заставляет героя по-другому воспринимать мир и себя в нем. Тема безжизненности, мертвенности проявляется и в следующем фрагменте:

"Der Himmel schwieg. Und Törless fühlte, daß er unter diesem unbewegten, stummen Gewölbe ganz allein sei, er fühlte sich wie kleines, lebendes Pünktchen unter dieser riesigen, durchsichtigen Leiche" (Musil 2008: 92). Данное сравнение имеет философский подтекст: человек - песчинка в огромном мертвом мире, безжизненность которого подчеркивается в данном случае многократно: "небо молчало" ("Der Himmel schwieg"), являя собой "немой свод" ("stummes Gewölbe"), кроме того, само небо сравнивается с "огромным трупом" ("riesige Leiche"). Здесь в качестве лейтмотива выступает тема одиночества во взрослом мире, огромном и непонятном для ребенка. В подобном контексте показателен и следующий эпизод:

"Die Welt erschien ihm danach wie ein leeres, finsternes Haus, und in seiner Brust war ein Schauer, als sollte er nur von Zimmer zu Zimmer suchen, - dunkle Zimmer, von denen man nicht wußte, was ihre Ecken bargen, - tastend über die Schwellen schreiten, die keines Menschen Fuß außer dem seinen mehr betreten sollte, bis - in einem Zimmer sich die Türen plötzlich vor und hinter ihm schlossen und er der Herrin, selbst der schwarzen Scharen gegenüberstünde" (Musil 2008: 32-33).

Мир взрослых кажется Терлессу «пустым, мрачным домом» (вновь тема безжизненности), в его душе рождается ужас, подобный тому, который мы испытываем в кошмарных снах, бредя по темным бесконечным комнатам в поисках выхода или живой души. Данное сравнение занимает по своему объему целый абзац, конкретизируясь в целой цепочке придаточных предложений. Так представлен таинственный и незнакомый взрослый мир, в котором герой по-прежнему чувствует себя абсолютно одиноким. В сравнении возникает негативная коннотация описываемого явления. Но с этой темой связана и тема познания: чтобы "дом" не был таким страшным, нужно "на ощупь" ("tastend") пройти через все его комнаты, что и символизирует процесс познания, к которому стремится главный герой.

В романе *"Der Mann ohne Eigenschaften"* интересным представляется характеристика мыслей:

«...und die Gedanken, nachdem sie gebraucht sind, herumsitzen wie die Klienten im Vorzimmer eines Anwalts, mit dem sie nicht zufrieden sind» (Musil 1988: 257). И хотя образы людей, «сидящих в приемной адвоката, которым они не довольны» (понятие-сравнение) можно себе представить, то их связь с «использованными мыслями» (сравниваемое понятие) - с трудом. Мозг в данном случае уподобляется тому самому адвокату, которым недовольны люди (мысли), поскольку он «плохо ведет их дело» (т.е. не пользуется больше этими мыслями). Следует подчеркнуть, что абстрактное, как и в предыдущих случаях, выражается через конкретное, при этом абстрактное персонифицируется.

Из всего выше изложенного следует, что Роберт Музил рассматривает сравнения как философскую категорию, при этом стилистическая функция сравнения - объяснение нового, неизвестного через старый, более понятный и яркий образ - отодвигается на второй план, главной становится функция идентификации действительности. Сравнения становятся важным способом познания творческой личностью внешнего и внутреннего мира посредством языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белобратов А. В. Роберт Музиль: Метод и роман. – Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1990. – 159 с.
2. Богатырева Н. А., Ноздрина Л. А. Стилистика современного немецкого языка. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 336 с.
3. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1990. – 320 с.
4. Марьянчик В. А. Аксиологическая функция устойчивых сравнений в медиа-политическом тексте // Вестник Поморского университета. – Поморский гос. университет им. М. В. Ломоносова, 2009. – С. 97-102.
5. Потеня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Русская словесность: Антология. – М., 1997. С. 75-78.
6. Ризель Э. Г., Шендельс Е. И. Стилистика немецкого языка. – М.: «Высшая школа», 1975. – 316 с.
7. Рыженкова А. А. Авторские преобразования устойчивых сравнений как объект перевода: Автореф. дис. ...к. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2009.
8. Солодилова И. А. Скрытые смыслы и их языковое выражение в словесно-образной системе Роберта Музиля. Автореф. дис. ...к. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2000.
9. Ушакова Ю. Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 2005.
10. Musil R. Der Mann ohne Eigenschaften. Buch 1. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 1988. – 1041 S.
11. Musil R. Die Verwirrungen des Zöglings Törleß – Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 2008. – 200 S.

ОЦЕНКА МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА ПОСРЕДСТВОМ ЛЕКСИЧЕСКИХ СУБСТАНДАРТНЫХ ЕДИНИЦ-ЗООНИМОВ

Метельская Е.В.

Астраханский Государственный Университет

Исследование лексического материала показало, что с точки зрения народа-носителя русского языка положительная оценка морально-этических характеристик человека дается человеку, обладающему такими качествами как порядочность, честность, смелость, что в субстандартной картине мира представляется такими ЛСЕ-зоонимами как: вол, глухарь, напористый змей (3 ЛСЕ). Например: Ты мне вола не верти, говори все как на духу! ...Я рубанул прямо, по-солдатски, что я не мыслю работать где-то в другом месте... Орлов тоже не стал вола вертеть: “Мне передали, что ты везде звонишь, будто я на тебя в ВАК настучал.- И прибавил с мужественной скорбью: - Мне так обидно стало...”[Химик, 2004].

В русской оценочной картине мира широко представлена такие отрицательные морально-этические характеристики, как подлость, предательство, что в субстандартной лексике отражается такими ЛСЕ-зоонимами как баклан, дятел, жабеньш, животное, песец, индюк, индюшка, крыса, кукушка, куропатка, кряква, наседка, крячка, змей, гиена, гад, козел, росомаха, сука, шакал, шавка, утка, гадюка (22 ЛСЕ). Например: Баклан – человек, который не заслуживает уважения [Никитина, 2006]; Второй коллега Куке был отвратен – тупой, вечно поддатый, вонючий, а главное – нечист на руку. Ну, где это видно, чтоб вот так, запросто быть крысой, воровать у своих? [Химик, 2004]; Какая крыса у нас в год быка завелась? Кто у меня триста рублей из кармана тиснул? [Comedy Club, 2010]; Мне казалось, ты можешь держать язык за зубами, а ты, козел, накозлишь хоть на мать родную, лишь бы свою шкуру спасти; Шухов...не сказал: “ Ну, получили?” – потому, что это был бы намек,

что он очередь занимал и теперь имеет право на долю. Он и так знал, что имеет. Но он не был шакал даже после восьми лет общих работ – и чем дальше, тем крепче утверждался; Как наводнение случается, так смотри в оба: шакалы по домам шныряют, грабят что поценнее. Пожарники все прямо из окна выбрасывают, некоторые пацаны начали подбирать, я одному по морде дал, шакалу [Химик, 2004]; Меньше с Анькой общайся. Она такая гадюка - сдаст тебя с потрохами [Зап. 2010 г.]; Тебя просили, дятел, стучать про группу? [Зап. 2009 г.]

Не менее отрицательную оценку получают такие общечеловеческие морально-этические качества как жадность, изворотливость, хитрость, мошенничество, коварство, что в русском субстандарте представлено ЛСЕ-зоонимами бурундук, гнилая рыба, ёршик, жаба, жук, жучок, конек, крыса, лещ, лиса, налим, рыба, рысь, таракан, тарантул, шакал, хорек (17 ЛСЕ). Например: Ну, ты и хорек! Наверное, дня не проживешь, если тебя вдруг кто-нибудь, случайно, обманет! [Никитина, 2006]; Выбросив конверт, Роман передал письмо адресату, представившись знакомым дочери. Ушел не с пустыми руками: сердобольная старушка тут же собрала для дочки и внучат посылочку. Шакалил таким образом великовозрастный тунеяец почти год...[Химик, 2004].

Резко отрицательно характеризуются такие человеческие качества как трусость, лживость, подхалимство, неблагодарность, болтливость, что передается в субстандарте ЛСЕ-зоонимами баклан, бобик, гиена, заяц, заячья кровь, зяблик, ишак, квакуша, мерин, крыса, шавка, шакал, овца, поросенок, телёнок, лиса (16 ЛСЕ). Например: Ну, ты и баклан. Только бы язык почесать; Он сам-то бобик, не сведет тебя с полканом [Елистратов, 2000]; Как вы можете ему верить? Ведь он же врет, как сивый мерин, это каждый знает!; Когда некая знаменитость томно закатывает глаза, говоря, что устала от бремени славы, не верьте – врет! Как сивый мерин врет! Попробуйте у него забрать эту славу хоть на неделю, он застрелится! [Химик, 2004]; Да такую овцу легко можно напугать!; В пятницу звоню ему (Михееву): мне надо было два гарнитура достать одному там – помоги, мол. Нет, говорит, у нас, говорит, ревизия недавно была...Поросенок [Химик, 2004]; Шакал ты трусливый! [Зап. 2010 г.]; Шухов...не сказал: “Ну, получили?” – потому, что это был бы намек, что он очередь занимал и теперь имеет право на долю. Он и так знал, что имеет. Но он не был шакал даже после восьми лет общих работ – и чем дальше, тем крепче утверждался (Химик, 2004); Чо трясешься, заяц?! Шпор нету, что ли?! [Зап. 2010 г.]

В русской субстандартной картине мира колоритно представлена такая отрицательная характеристика человека как грубость, агрессивность, наглость, которая представляется посредством ЛСЕ-зоонимов баклан, барбос, борзой, бык, карась, полкан, хряк, шавка, кабан, волчара, гад, крыса, лось, ёжик, звереныш, медведь, зверь, горилла (18 ЛСЕ). Например: За кого канаешь? (По какой статье осужден?) – За баклана; Быкам надо сначала в морду, а потом уже с ними разговаривать [Зап. 2009 г.]; Он быковал на меня из-за какого-то пустяка; “...В зоне барин крутой, часто сам бывает на ночных и дневных шмонах. Кумовья абвера просто волчары. Один старлей хотел Витька ссучить, за это запаadlo фаловал его в придурки в плеху, шнырем или тушилой” [Химик, 2004]; До чего же здоровенный парень, горилла, такого увидишь – перепугаешься насмерть.; Вот кабан, прет прямо на людей, никого не видит!; Лось здоровенный. – Где нашла такого лося? У него же бицепсы вместо мозгов; Раскричалась как шавка; Сам злобный и окружил себя такими же помощниками, злыми шавками [Елистратов, 1994]; “Мы ребята – ёжики, у нас в карманах ножики” [Comedy Club, 2010].

Упрямство также является для народа-носителя русского языка отрицательной чертой: осёл, баран, бык, ишак, козел, мул, муфлон (7 ЛСЕ). Например: А Сергеев уперся как мул – с места не сдвинешь, ничего понимать не хочет! [Зап. 2010г.]; Ишак упрямый!; Настоящий ишак!; Когда танк клюнул в одну из заполненных грязью ямищ, я ударился подбородком в резиновый край открытого люка. Придись удар на пять сантиметров, даже на три выше, - и я подавился бы собственными зубами. “Понял, осел?! Для кого записано: “...выполняется при движении танка “по-боевому”, то есть с закрытыми люками!”; Упрямый баран!; Вот бык упрямый, ни за что землю продавать не соглашается! [Химик, 2004].

С точки зрения русскоязычного социума отрицательную оценку получают следующие особенности человека - мелочность, ничтожность, недостаточная душевная щедрость, бесхарактерность, что в субстандарте отражается в ЛСЕ-зоонимах верблюд, гнида, ёжик, бобик, крыса, моль, муха, шавка (7 ЛСЕ). Например: Я, что, верблюд? Не надо делать из меня верблюда!; Директор со своими шавками.; Не желаю быть шавкой у пахана!; А ты, шавка мелкая, лучше помалкивай!; Он сам-то бобик, не сведет тебя с полканом [Никитина,2006].

Всего: 65 ЛСЕ.

Для носителей английского языка тема морально-этической оценки человека не менее актуальна.

Наибольшее количество номинаций положительной морально-этической оценки в английском субстандарте связано с мужеством, силой личности, религиозные убеждения и нашло отражение в ЛСЕ-зоонимах hairy-ass, donkey, bearcat, alfa dog, top dog (5 ЛСЕ). Например: The positive reactions to Mike's commanding presence during the meeting made it obvious that he's the alpha dog in our group [Стерджен, 2009].

Порицаются в англоязычном обществе подлость, предательство, что в английской субстандартной картине мира отображается ЛСЕ-зоонимами assy, candy ass, canary, dog, hound, louse, pig-fucker, rat, ratbag, rat-face, rat fink, pack rat, snake, scut, toad, mouse, polecat, (16 ЛСЕ). Например: He is a real dog - he ditches his friends for other things; He behaved like a real louse to her; How can you be, like, such a scut?; It's scuts like that who give all us really rad kids a bad name; Tell that polecat I want to talk to him [Байков, Хинтон, 2008].

Жадность, изворотливость, хитрость, мошенничество, коварство являются также предметом осуждения носителями английского языка. Для их обозначения в английском субстандарте используются ЛСЕ-зоонимы cormorant, coon, dingo, beetle, hound, pig, ram, rat-face, rook, shark, bitch (11 ЛСЕ). Например: Don't trust him, don't give him money, everybody knows that he is a shark! [Dangerous English, 2000].

Нами были проанализированы такие порицаемые английским социумом качества как трусость, лживость, подхалимство, неблагодарность, болтливость и выявлено, что они представлены в субстандарте ЛСЕ-зоонимами candy ass, bulldog, bullshitter, scaredy-cat, chicken, chicken-livered, dingo, parrot, rabbit, worm, magpie, ass-kisser, bitch (13 ЛСЕ). Например: Don't offer him anything- he is a chicken! It's dangerously to deal with him – he will hand over us to pigs! [Comedy Club, 2009].

Отрицательную оценку в английском обществе получает упрямство, что отражают ЛСЕ-зоонимы mule, assy, bullhead, bullheaded (4 ЛСЕ).

Среди морально-этических оценок отрицательного содержания были выявлены грубость, агрессивность, наглость, выраженные в английском субстандарте ЛСЕ-зоонимами animal, ape, assy, cheeky monkey, hairy-ass, hard ass, rough-ass, bearcat, bully boy, cock, tiger, cocky, colt, dog, dog-eat-dog, gorilla, hog, wasp, wolf (19 ЛСЕ). Например: I've gotten the reputation as being a hard-ass; You are a cocky little boy! [Зап. 2009 г.]; The guy's a tiger. Watch out for him [Маковцев, Шевченко, 2004].

Мелочность, ничтожность, недостаточная душевная щедрость, бесхарактерность, так же порицаются англоязычным социумом, что в субстандарте отражается в ЛСЕ-зоонимах deadass, bitch, cat's paw, crab, dog, duck, sitting duck, poor fish, jellyfish, lamb, nit, worm, ass-worm, pigeon, puppy, shrimp, turkey (17 ЛСЕ). Например: The guy was a sitting duck for a mugging; Don't you ever listen to that nit!; You are such a turkey! [Ротенберг, Иванова, 1994].

Всего: 81 ЛСЕ.

Для передачи положительной морально-этической оценки в русском субстандарте используется незначительное количество ЛСЕ. Что составило 4,6 % (3 ЛСЕ). Для передачи отрицательной морально-этической оценки наиболее часто используются лексемы козел, крыса, шакал, баклан, баран.

Для передачи положительной морально-этической оценки в английском субстандарте, так же как и в русском, используется небольшое количество ЛСЕ. Что составило 6,1 % (5

ЛСЕ). Для передачи отрицательной морально-этической оценки наиболее часто используются лексемы dog, ass, rat, bitch.

В ходе сравнительно-сопоставительного анализа русскоязычного и англоязычного социолексикографических источников, устного спонтанного дискурса, телевизионных передач было выявлено, что наибольшим соответствием в толковании в тематической группе “Морально – этические качества человека” обладают такие ЛСЕ-зоонимы как змея – snake, крыса – rat, жук – beetle, волк - wolf , мул – mule, горилла – gorilla, гнида – nit.

ЛСЕ-зооним	буквальный перевод	основа переноса	толкование ЛСЕ-зоонима	русские соответствия
snake	змея	изворотливость	подлый человек	змей, змея
rat	крыса	единственное из млекопитающих, которое ест своих же собратьев	подлый человек	крыса
beetle	жук	скрытность, мобильность	хитрый человек	жук
wolf	волк	жесткость, хищная, властная, злобная натура	агрессивный человек	волк, волчара
nit	гнида	маленький размер	ничтожный человек	гнида
gorilla	горилла	сила, мощь, агрессивность	агрессивный человек	горилла
mule	мул	невозможность сдвинуть с места	упрямый человек	мул

ЛИТЕРАТУРА:

- Елистратов В.С. Словарь московского аргю. Материалы 1980-1994 гг.: Ок.8000 слов. – М.: Русские словари, 1994, - 700 с.
- Маковцев Н., Шевченко С, Вашу мать, сэр! Иллюстрированный путеводитель по американскому сленгу. – СПб.: Питер,2004. – 480 с.: ил.
- Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь: Более 12000 слов; свыше 3000 фразеологизмов/ - М.: ООО “Издательство Астрель” “Издательство АСТ”, 2004.- 912 с.
- Ротенберг Т., Иванова В.. Англо-русский словарь американского сленга. - М. “Инфосерв”, 1994.-544 с.
- Стерджен Р. Супертолковый иллюстрированный англо-русский словарь делового жаргона/ Рон Стерджен. – СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК,2009.- 412 [4] с.6 ил.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – Х46.СПб.: Норинт, 2004. – 768 с.
- Dangerous English 2000 An Indispensable Guide for language Learners and others by Elizabeth Claire. Delta Publishing Company 1400 Miller Parkway McHenry, IL 60050 – 7030 Printed in the USA

Интернет источники

1. <http://comedyclub.tnt-online.ru/>
2. <http://standupcomedyclubs.com/AmericanComediansForYourEvent.html>

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ «ПАМЯТЬ»: ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕСТОВ НЕМЕЦКИХ АВТОБИОГРАФИЙ)

Молчанова А.С.

Российский государственный университет им. И. Канта, г. Калининград

Феномен человеческой памяти как сложное многоаспектное явление, обладающее специфической структурой и полифункциональностью, с давних пор является объектом исследования ряда наук. В последнее время особое значение приобрело в этой связи изучение текстовой экспликации феноменологии памяти.

В подобном контексте большое внимание уделяется автобиографическим текстам, где категория «память» рассматривается как ключевая особенность данного жанра, репрезентированная, главным образом, на лексическом уровне.

Особое внимание следует уделить тому, как представлена актуализация образов прошлого в языковом пространстве памяти. В этой связи следует отметить двойственный характер категории память: способность ее выступать в активном и пассивном планах.

Для активной позиции человеческой памяти свойственно оживление былой информации, полное или частичное вспоминает прошлого. Пассивность же памяти выражается процессом забывания. Интересна в этой связи репрезентация в автобиографических текстах динамики образов прошлого, которые перемещаются, занимают фиксированную позицию, фокусируются, постепенно удаляются, замещаются другими образами, подвергаются деформации.

В подобном контексте необходимо отметить следующие существенные свойства образов памяти, нашедшие отражение в текстах автобиографий: яркость / блеклость; четкость / размытость; цельность / фрагментарность; подробность / обобщенность (лишенность деталей, типизированность). Эти характеристики указывают на степень временной отдаленности вспоминаемого предмета или события, либо на степень значимости события для личности автобиографа.

С помощью перечисленных свойств образа: яркость / блеклость; четкость / размытость; целостность / фрагментарность; детальность / обобщенность в текстовом пространстве памяти выстраивается перспектива. Она, как отмечает Н.Г. Брагина, может быть двух видов: хронологическая и психологическая.

Если в памяти яркие, четкие цельные детальные образы соответствуют более близкому по времени воспоминанию, а блеклые, нечеткие, фрагментарные, обобщенные образы – более далекому воспоминанию, то конструируется хронологическая перспектива. Прошлое выстраивается в памяти в хронологической последовательности: образы далекого прошлого неяркие / плохо освещены, фрагментарны (лишены цельности), обобщены (лишены деталей и подробностей), они имеют нечеткие, размытые контуры. Наоборот, образы недавнего прошлого – цельные, они насыщены деталями и подробностями и описываются как четкие и ясные [Брагина 2007: 592].

Напротив, если в памяти яркие, четкие, детальные образы соответствуют эпизодам прошлого, сохранившим актуальность, продолжающим эмоционально и интеллектуально воздействовать на человека и, наоборот, блеклые, нечеткие, фрагментарные, обобщенные образы соответствуют неактуальному, имеющему слабое эмоциональное и интеллектуальное воздействие на человека, то конструируется психологическая перспектива.

Иллюстрацией к вышесказанному может служить следующий пример из произведения Г. Зудерманна «Das Bilderbuch meiner Jugend», в котором автор подчеркивает, что именно благодаря эмоциональной составляющей воспоминаний образы прошлого живут в нем спустя много лет, сохраняя четкость и яркость и проявляя себя активно (актуализируются автором, напоминают о себе).

Daß ich dieses dumme Frage – und Antwortspiel durch fast fünfzig Jahre in der Erinnerung behalten habe, beweist, wie wund mein Selbstgefühl und wie groß mein Triumph diesem Menschen gegenüber war, der mich noch manches Mal in hämmischer Herablassung gegenüberstanden hat, bis er es vorzog, mir unverhüllte Feindschaft zu zeigen [Sudermann 1922: 145].

Не менее интересны в этой связи примеры из романа М. Марон «Animal triste», в которых автор описывает, насколько точно она может вспомнить о своем любимом человеке, в то время как образ мужа, с которым повествователь прожила, по меньшей мере, двадцать лет, приобретает в ее памяти размытые черты и подвержен постепенному забыванию.

Ich erinnere mich an meinen Geliebten genau. Ich weiß, wie er aussah, ...; ich kann seinen Geruch nachspüren ..., ich kann fühlen, wie seine Arme sich um meinen Rücken schließen [Maron 1997: 11].

Jede Begegnung, alle Worte, die er je zu mir gesagt hatte, unsere nächtliche Umarmungen spielte ich mir wieder und wieder vor» [Maron 1997: 12].

Mein Ehemann war, soweit ich mich an ihn erinnere, ein sympatischer und friedlicher Mensch. Wir müssen wenigstens zwanzig Jahre miteinander gelebt haben [Maron 1997: 20].

Проанализировав данные отрывки, можно сделать вывод, что образ любимого человека приобрел особую значимость для автора в сравнении с другими воспоминаниями, затмил собой фигуры всех прошлых мужчин, в том числе и мужа, вытеснил их. В сравнении с другими воспоминаниями он наделен особой четкостью, яркостью, целостностью, на что указывают лексические актуализаторы периферийных видов памяти: повествователь слышит, чувствует, видит молодого человека.

В подобном контексте заслуживает внимания отрывок из автобиографического произведения Э. Кэстнера «Als ich ein kleiner Junge war», в котором автор указывает, что основным принципом запечатления, сохранения и воспроизведения информации является значимость пережитых для повествователя событий, что, несомненно, подчеркивает, субъективный характер актуализации бывшего опыта.

Unsere Erinnerung aber, die andere Zeitrechnung, hat mit Meter und Monat, mit Jahrzent und Hektar nichts zu schaffen. Alt ist, was man vergessen hat. Und das Unvergeßliche war gestern. Der Maßstab ist nicht die Uhr, sonder der Wert. Und das Wertvollste, ob lustig oder traurig, ist die Kindheit. Vergeßt das Unvergeßliche nicht [Kästner 1977: 12]!

Вспоминать то, что наиболее значимо – этот принцип осуществления мнемической деятельности автобиографа позволяет объяснить тот факт, почему процесс актуализации бывшего опыта, описываемый в ряде автобиографических произведений, превращается из расположенного в хронологической последовательности рассказа в то, что называет Э. Кэстнер «перепрыгивание с места на место» (Springprozession).

Der Versuch, die Geschichte einer Kindheit zu erzählen, wird zur Springprozession. Man springt voraus und zurück und voraus und zurück ... Und nun springen wir wieder zwei Schritte zurück [Kästner 1977: 67].

В текстах автобиографий психологическая перспектива часто обозначается посредством клише, которые маркируют выделенность какого-либо эпизода прошлого: es ist wie gestern, plötzlich bin ich ..., noch heute ist es lebendig и т.д.

Внутреннее пространство памяти в этом случае не строится по модели внешнего. Оно представляет собой особое пространство смысловых отношений, в котором события градуируются не по времени, а по значимости и / или актуальности для текущего момента, как, например, в автобиографическом романе М. Марон «Animal triste», когда автор описывает внезапность, стихийность воспоминаний, относящихся к моментам ее детства.

Ich erinnere mich nicht gern an meine Kindheit, schon gar nicht an meine Jugend, meistens erinnere ich mich daran gar nicht. Manchmal kann ich es nicht verhindern, und dann sitze ich plötzlich neben Hansi Petzke [Maron 1997: 60].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующий вывод: языковое пространство памяти необычайно изменчиво и подвижно. Репрезентация данного явления в автобиографических текстах в его психологической перспективе позволяет выделить особо

значимые для автобиографа события, усмотреть и выстроить новые смысловые связи и параллели в рамках текстовой экспликации человеческой памяти (в том числе и на композиционном уровне произведения), объясняет близость памяти и воображения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брагина Н.Г. Память и зрение. Пространственные нарративы памяти//Язык как материя смысла: Сборник статей к 90-летию Н.Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 587 – 604.
2. Maron, M. *Animal triste*. – Frankfurt am Main: Verlag Peter Lange GmbH, 1997.
3. Kästner, E. *Als ich ei kleiner Junge war*. Eulenspiegel Verlag, Berlin, 1977.
4. Sudermann, G. *Das Bilderbuch meiner Jugend*. Gottasche Buchhandlung Nachfolger, Berlin, 1922.

TO THE PROBLEM OF INTERCULTURAL COMMUNICATION DEFINITION

Руссу Е.А.

Астраханский государственный университет

*Today the world we live in is “a global village”
where no nation, group or culture can remain anonymous
(Samovar & Porter)[7].*

Communication between people of different cultural backgrounds or intercultural communication has always been and will definitely be a significant constituent of human co-existence on earth.

A good deal has been published about intercultural communication, since now it is a crucial subject of scholarly research. However, one has to admit that despite this, communicating across cultures is still a big challenge. In this context we consider it appropriate to point out that speaking of intercultural communication we do not mean mastering a different language, as well as sharing a language does not mean sharing a culture. It is also more than simple observing cultural differences though it should be the first step.

So what is intercultural communication? There are many researchers and academics, who give different definitions of “intercultural communication”. For example Karlfried Knapp writes that intercultural communication can be defined as the interpersonal interaction between members of different groups, which differ from each other in respect of the knowledge shared by their members and in respect of their linguistic forms of symbolic behavior [3].

According to Marsen intercultural communication tends to describe the relations between members of different ethnic groups and languages, interacting in an international context, such as the United Nations assemblies, or in a context where one culture is dominant, such as in societies with minority migrant groups [5].

Samovar & Porter point out that as cultures differ from one another, the communication practices and behaviours of people will inevitably vary as a result of their different perceptions of the world. So intercultural communication, more precisely then, is referred to as the study of communication between people whose “cultural perceptions and symbol systems are distinct enough” to alter their communication [7].

A similar view have Stella Ting-Toomey and Leeva C. Chung, who define intercultural communication as the symbolic exchange process whereby individuals from two (or more) different cultural communities negotiate shared meanings in an interactive situation[4].

Gudykunst emphasizes that speaking about intercultural communication one should distinguish between cross-cultural and intercultural: “Cross-cultural’ and ‘intercultural’ are often regarded as interchangeable. They are, nevertheless, different. Cross-cultural research involves

comparing behaviour in two or more cultures (e.g. comparing self-disclosure in Japan, the USA and Iran when individuals interact with members of their own culture). Intercultural research involves examining behaviour when members of two or more cultures interact (e.g. examining self-disclosure when Japanese and Iranians communicate with each other). ... Understanding cross-cultural differences in behaviour is a prerequisite for understanding intercultural behavior [2]”.

Meanwhile Saskia Corder and Miriam Meyerhoff believe that intercultural communication describes a situation in which people who have acquired different ways of life find themselves in a position where they need to communicate with each other, and the differences and similarities between the behaviours they have learnt may facilitate or impede their interaction [1].

From what has been said we would now be able to define intercultural communication as sharing information between communicators of dissimilar national and cultural origins, using verbal and nonverbal symbols.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Corder, Saskia. Negotiating and performing gender role expectations through discourse: a study of the community of practice of a female football team. MA dissertation, Department of Linguistics, University of Edinburgh. 2004.
2. Gudykunst, William B. Methodological issues in conducting theory-based cross-cultural research. In: Helen Spencer-Oatey (ed.), *Culturally Speaking. Managing Rapport through Talk across Cultures*. London: Continuum. 2000.
3. Karlfried Knapp, Werner Enninger, Annelie Knapp Potthoff. *Analyzing Intercultural Communication*. Mouton De Gruyter. 1987.
4. Leeva C. Chung, Stella Ting-Toomey. *Understanding Intercultural Communication*. New York, 2005.
5. Marsen, S. *How to mean without saying: presupposition and implication revisited*. London: Palgrave. 2006.
6. Meyerhoff, Miriam. Communities of practice. In: J. K. Chambers, Peter Trudgill and Natalie Schilling-Estes (eds.), *The Handbook of Language Variation and Change*. Oxford: Blackwell. 2002.
7. Samovar, L. A. & Porter, R. E. *Communication between cultures*. Belmont, CA: Wadsworth. 1991.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИСКРЕТНОСТЬ КАК ЭКСПОНЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

Тарханова Т.В.

Южно-Уральский госуниверситет, г. Челябинск

Как известно, в настоящее время в связи с постоянно возрастающей ролью межкультурного общения особое значение в обучении иностранным языкам придается межкультурной компетенции. Межкультурная компетенция является комплексной категорией. В ее структуре можно выделить лингвистический, когнитивный и аффективный компоненты. **Лингвистический компонент** включает: а) языковой уровень, подразумевающий владение системно-структурной организацией иностранного языка; б) речевой уровень, выражающийся через овладение коммуникативными умениями. [Чичерина 2009: 9].

Предметом рассмотрения в настоящей статье является лингвистический компонент межкультурной компетенции, а именно системно-структурная организация лексико-семантического уровня английского языка. Мы предпринимаем попытку проиллюстрировать корреляцию между специфическими чертами национального менталитета и лексико-семантической структурой языка. В качестве материала анализа выступают лексико-

семантические группы (ЛСГ) прилагательных, обозначающих умственные способности человека, в английском, немецком и русском языках. Заметим, что данная ЛСГ выступала ранее предметом нашего исследования, которое было проведено в рамках системно-структурного подхода, доминирующего в лингвистике того времени [Тарханова 1987].

Мы можем утверждать о правомочности выводов, сделанных в нашем диссертационном исследовании, более того, соотнести их с социо-культурным подходом к изучению иностранных языков.

В многочисленных исследованиях проиллюстрирован тезис о том, что каждый языковой коллектив пользуется определенным набором мыслительных образцов, которые реализуются в специфических чертах синтаксиса, морфологии, лексики и семантики определенного языка. Исследование лексико-семантической системы языка предполагает анализ связей, существующих между элементами системы. Изучая язык как систему систем, исследователи прибегают к понятию «дискретность» для выявления характера взаимодействия элементов языковой системы. «При изучении лингвистического объекта одним из проявлений дискретности выступает дифференциация континуума действительности (например, выявление и описание структуры лексических парадигм, семный анализ значения слова » [Скворецкая 2009: 37].

Исследователи неоднократно обращали внимание на различную степень детализации концептуальной картины мира средствами различных языков. Не является исключением и концепт «умственная характеристика человека». Соотнесенные ЛСГ были выделены из идеографических словарей и включали соответственно 156 английских [Roget 1979], 129 немецких [Dornzeif 1959] и 187 русских слов [Баранов 2003]. Отметим, что численное превосходство русской ЛСГ, в основном, объясняется наличием однокоренных дериватов и сложных словообразований (например, преумный, умный, высокоумный, хитроумный, разумный, умнейший т.п.). Для фиксации границ исследуемой ЛСГ мы последовательно применяли разработанные нами критерии: простота морфологической структуры и цельнооформленности, синхронности и нормативности, статус языкового значения в смысловой структуре многозначного слова. В результате проведенного анализа были определены составы соотнесенных ЛСГ.

Английская ЛСГ включает 25 прилагательных (able, apt, astute, clever, cunning, discerning, gifted, imaginative, ingenious, intelligent, inventive, judicious, knowing, prudent, rational, reasonable, resourceful, sage, sagacious, sensible, smart, subtle, talented, wise, witty); немецкая ЛСГ – 17 (aufgeweckt, begabt, besonnen, einsichtig, findig, geistreich, gelehrig, genial, geschickt, intelligent, klug, schlau, schopferisch, talentiert, vernünftig, verständig, weise) и русская ЛСГ - 15 прилагательных (деловой, дипломатический, здравый, конструктивный, мудрый, мыслящий, находчивый, осмысленный, разборчивый, рассудительный, рациональный, содержательный, тонкий, трезвый, хитрый). Выявленные количественные расхождения в составах ЛСГ являются отражением качественных различий. Члены различных языковых коллективов разлагают глобальные смыслы на конечное число элементарных смыслов, единых для всех коллективов. Комбинирование этих элементарных смыслов и их распределение по знакам различно в разных языках. Это делает семантическую систему конкретного языка своеобразной и оригинальной. Результаты сопоставления показали, что в описываемых ЛСГ выделены одинаковые наборы семантических компонентов, но распределение их в семантическом пространстве групп и комбинаторика в структурах значений прилагательных обнаруживает расхождения. Концепт «умственная характеристика человека» включает 14 элементарных смыслов: интеллект, быстрота, юмор, благоразумие, предвидение, хитрость, проницательность, воображение, практичность и т. д. В результате проведенного исследования нами был сделан вывод о несовпадении семантических объемов прилагательных в сопоставляемых языках. Основная масса русских и немецких прилагательных более репрезентативна по набору семантических компонентов, чем соотносимые английские прилагательные. Наиболее ярко эта закономерность проявляется при сопоставлении доминант ЛСГ: «умный», «clever» и «klug». Структура значения «clever»

конституирована семью семантическими компонентами, «klug» - одиннадцатью компонентами и прилагательное «умный» включает тринадцать семантических компонента.

Результаты исследования дают возможность говорить о семантической дискретности английского концептуального континуума как на уровне структуры лексических парадигм (ЛСГ), так и на уровне семного анализа значения слов. Такая лексико-семантическая дискретность английского языка может рассматриваться как экспонент дискретности английского национального менталитета. « Между языком и реальным миром стоит человек » [Тер-Минасова 2000: 28]. Вполне очевидна взаимосвязь языка и мышления, а значит, очевидна корреляция типа языка и типа мышления. Следовательно, следует признать наличие связи между характерными особенностями определенного языка и этническим менталитетом данного языкового сообщества. Тот факт, что лексико-семантическая дискретность английского языка была выявлена при помощи сопоставления как с близкородственным немецким языком, так и с генетически неродственным русским языком, дает возможность констатировать истинность выводов об ономаσιологических особенностях английского языка (количество членов ЛСГ и способах соединения признаков в одном слове). Мы сознаем, что выводы о связи этнического менталитета и особенностях лексико-семантической системы языка носят вероятностный характер, однако предпринятое исследование иллюстрирует необходимость изучения специфической системной организации языков. Подобные знания являются неотъемлемой составляющей межкультурной компетенции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка – М.: ЭТС, 1995. - 820 с.
2. Скворецкая Е.В. Эпидигматическая дискретность плана содержания и плана выражения языковых единиц разных уровней / Дискретность и континуальность в языке и тексте. Сб. научных трудов – Новосибирск, 2009. – с.37 – 43
3. Тарханова Т.В. Системные отношения в лексико-семантической группе (на материале ЛСГ прилагательных, обозначающих умственные способности человека, в современном английском языке). – Диссертация на соискание уч. степени канд. филол. наук.- Челябинск, 1987. – 204 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. Пособие / - М.: Слово/Slovo, 2000. - 624 с.
5. Чичерина Ю.В. Методика обучения чтению прагматических текстов как основа формирования межкультурной компетенции старших школьников (французский язык): Автореферат дис. на соискание уч. Степени канд. пед. Наук – Нижний Новгород, 2009. – 24 с.
6. Dornzeif F. Der Deutsche Wortschatz nach Sachgruppen - Berlin: Walter Greuter & Co, 1959. – 922 S.
7. Roget's International Thesaurus. – Harper and Row International Edition, 1979. – 1317 p.

СОВРЕМЕННЫЙ МОЛОДЁЖНЫЙ СЛЕНГ В СИСТЕМЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Хаджаева Н. Х.

Астраханский государственный университет

На сегодняшний день речь молодежи значительно отличается широким диапазоном сферы применения, что обусловлено его выразительностью и образностью. Сленг является наиболее популярным видом неформальной речи молодых людей. Употребляя сленг, говорящий указывает на свою принадлежность к определенной социальной группе, а также выражает свое отношение к тем или иным событиям, явлениям и к окружающему миру в

целом с позиции данной социальной группы. Социальная разновидность речи, которая характеризуется особой, нередко экспрессивно переосмысленной лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств, как правило, называют молодежным сленгом [Никитина Т.Г., 2009:3]. Группа исследователей (Мокиенко, Никитина, Горчакова) считает, что на рубеже XXI в. происходит количественное расширение состава молодежного сленга, а также активное ее проникновение в литературный язык. Появляется множество лексикографических изданий, словарный объем которых может достигать несколько тысяч современных молодежных жаргонизмов [Вахитов С.В., 2001].

В.С. Елистратов отмечает, что столь активное распространение молодежного сленга в России связано с процессом общей жаргонизации русской литературной речи конца XX - начала XXI в. [Елистратов В.С., 1998]. По мнению Л.П. Крысина, сленг появлялся, главным образом в устно-разговорной его разновидности, а затем, ближе к настоящему времени, в языке средств массовой информации, в публицистике, в выступлениях политических деятелей, журналистов и даже писателей [Крысин Л.П., 2000:31-32]. Данное явление обусловлено начавшейся еще в середине XX в. демократизацией литературного языка. В прошлом же его применяла только интеллигенция. Социальные группы, приобщающиеся к литературному языку, пополняют его собственными речевыми навыками (жаргон, диалект, просторечие). К концу XX в. процесс внедрения лексики, выходящей за рамки традиционной нормы в литературный язык перешел допустимые границы [Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., 2003:5]. Одной из причин данного явления, по мнению Л.П. Крысина, сыграло вхождение в публичную жизнь криминальных социальных групп, представители которых в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода жаргонами и другими формами нелитературной речи [Крысин Л.П., 2000:30]. Подобное внедрение сниженной лексики в повседневную речь, по мнению ряда исследователей (Ларин, Елистратов, Жельвис, Грачев), связано с переломным периодом в жизни социума, когда происходит смена общественных устоев, меняются социальные ориентиры, а также политико-экономические формации [Ларин, 1977; Грачев, 1996; Жельвис, 1997; В.С. Елистратов, 1998]. Б.А. Ларин допускает, что историческая эволюция любого литературного языка представляется как ряд последовательных снижений, а лучше сказать как ряд концентрических развертываний [Ларин Б.А., 1997]. Этот языковой процесс представлен исследователем как центробежный, то есть от ядра национальной языковой системы литературного языка к ее окраинам, а именно просторечию, сленгу и их носителям. На сегодняшний день, по мнению Ю.А. Панова, наблюдается противоположная ситуация. Данный исследователь считает языковой процесс центростремительным и отмечает, что лексика «стягивается» от окраин к центру [Панов М.В., 1989]. Г.П. Нецименко утверждает, что именно по этим причинам ряд исследователей отказывается интерпретировать современные языковые изменения как демократизацию литературного языка [Нецименко Г.П., 2000].

По утверждению Т.Б. Крючковой, укрепление молодежным сленгом своих позиций в современной речи может быть обусловлено изменением иерархической структуры общества с точки зрения положения в ней различных возрастных групп, что стало результатом социально-экономических преобразований, произошедших в России в течение последнего десятилетия. На сегодняшний день ведущее положение во многих областях социальной жизни занимает молодежь, что является одной из главных причин столь масштабного распространения молодежного сленга. Мы можем наблюдать, что довольно часто публичные люди используют в своей речи молодежный сленг и общий стиль поведения молодежи. Некоторые из них делают это сознательно, желая вписаться в современную речевую ситуацию или стать популярными среди социально и экономически доминирующих групп населения, другие – как правило, под влиянием средств массовой информации [Крючкова Т.Б., 1998].

В.В. Химик считает, что молодое поколение инициирует возникновение языковых новшеств и живых процессов в речи. Молодежь в значительной мере влияет на остальных

носителей русского языка и предопределяет развитие коммуникативной среды российского общества [Химик В.В., 2004].

На сегодняшний день многие ученые признают важность исследования неформальной речи молодых людей. Немалое количество работ, изучающих проблему формирования и функционирования сленга, появилось за последнее время в отечественном языкознании. Береговская, Анищенко, Гуц, Ермакова посвятили работы проблемам функционирования сленгизмов в школьных и студенческих коллективах. Такие исследователи как Мазурова, Грачев, Буданова, Щепанская изучили сленгизмы в неформальных групповых объединениях. Марочкин, Завражин, Химик, Любичкая провели анализ вариативности молодежных сленговых единиц в зависимости от пола, места проживания и возраста их носителей. Козьякова рассмотрела особенности жаргонной фразеологии.

Работы, посвященные сопоставительному анализу закономерностей развития русского молодежного сленга и молодежных сленгов других языков представляют особый интерес. Например, Горчакова Е.В. провела исследование молодежного социолекта русского и немецкого языков, Ролик А.В. рассмотрел структурные особенности молодежного сленга русского и немецкого языков [Ролик А.В., 1988].

На основании данных работ можно сделать вывод, что молодежный сленг представляет собой одну из самых активных форм реализации различных современных национальных языков. Кроме того, существуют общие закономерности развития и функционирования современного молодежного сленга в разных языках. К примеру, А.В. Ролик обращает внимание на общность способов образования структуры молодежных сленгов в русском и немецком языках. Исследователь считает, что решающую роль при этом играют психологические особенности молодых людей, их общего и примерного одинакового опыта [Ролик А.В., 1988]. Таким образом, региональная и социальная специфика лишь модифицирует языковую вариативность, характерную для всей молодежи в целом. Также целесообразно считать, что молодежный сленг разных языков имеет свои особенности, а именно, различия по отношению к другим формам существования языка. По мнению Е.В. Горчаковой, в России молодежный сленг больше взаимодействует с аргю, в то время как в Германии он характеризуется в большей степени региональной маркированностью. Это объясняется, прежде всего, выбором различной основы в процессе кодификации стандартного литературного языка русского и немецкого языков. Исследователь отмечает, что кодификация норм русского языка на протяжении развития всей истории нормы литературного стандарта происходило под влиянием других языков, в то время как кодификаторы немецкого языка подвергались влиянию со стороны народного языка [Горчакова Е.В., 2002].

Проблема взаимодействия русского молодежного сленга с воровским аргю является предметом нескончаемой дискуссии в отечественной лингвистике. При этом главным образом, обсуждается вопрос воздействия аргю на молодежный сленг, так как из аргю в сленг переходит гораздо больше слов, чем из сленга в аргю. Данный односторонний характер объясняется относительной устойчивостью аргю, его замкнутостью и в то же время открытым, неустойчивым характером лексической подсистемы молодежного сленга.

Во время спада языковой культуры, а именно в постреволюционный этап, в период так называемой хрущевской оттепели и на современном этапе (конец 80-х – начало 90-х) наблюдается наиболее сильное влияние воровского аргю на сленг как отмечает Грачев [Грачев М.А., 1996:78]. Наибольшее влияние аргю на молодежный сленг произошло после революции 1917 года, когда увеличилось количество беспризорников. В.В. Химик, считает, что внесоциальное положение подростков и детей того времени привело их к тесным связям с преступным миром и следовательно к активному усвоению молодежью субкультуры этого мира, включая элементы его словаря [Химик В.В., 2000:43].

А.М. Селищев, приводя примеры лексических единиц аргю в речи фабрично-заводской молодежи и школьников, обратил внимание на тот факт, что эти арготизмы относились в основном к теме драки, бегства, воровства и т.д. [Селищев А.М., 1928:78].

Словарь, составленный А.С. Копорским, в данном отношении представляет определенный интерес. Самое крупное словообразовательное гнездо в словаре (14 единиц) образует слово *нача*, обозначающее обман, шутка над товарищем, воровство: *заначка*, *заначить*, *подначить* и т.д. [Копорский А.С., 1990:95].

Е.Д. Поливанов объясняет «снижение штиля» в языке учащейся молодежи в сторону хулиганского и блатного жаргона дореволюционной обстановкой. Ученый делает вывод о том, что речь должна идти «лишь о количественном росте рассматриваемых явлений в последний период» [Поливанов Е.Д., 1931:161]. М.А. Грачев, исследуя язык бурсаков, воспитанников реальных семинарий, приводит множество примеров арготических слов, нашедших широкое применение в одном из самых первых отечественных сленгов. Например, «сбондить», «стилибонить» - украсть; «хабар» - взятка, которую дают младшие учащиеся старшим, «обделать на левую ногу» - обокрасть, обмануть. Сленгизм «хабар» перешло в арго со значением награбленное.

Некоторые отечественные лингвисты полагают, что молодежный сленг уходит своими корнями в арго (Д.С. Лихачев, В.Д. Бондалетов и др.). Данные исследователи считают, что схожие элементы и приемы словообразования сленгизмов связаны с древними условными языками, в то время как морфологические, лексические и синтаксические особенности – с воровским языком [Лихачев Д.С., 1935; Бондалетов В.Д., 1980]. Данная точка зрения основывается на идеи о том, что в основе социально-диалектного разделения лежит историческая преемственность разных сленгов и распределения их в тот или иной период, согласно иерархии старшинства [Скворцов Л.И., 1964:49].

По мнению М.А. Грачева молодежный сленг хулиганствующей молодежи наиболее восприимчив к влиянию воровского арго. Ученый полагает, что в сленге такой молодежи арготизмы составляют около восьмидесяти процентов всей лексики. Кроме того, как отмечает ученый процент заимствования арготизмов в речи неформальных молодежных объединений (хиппи, металлисты, панки, рокеры), по сравнению со сленгом студенческой молодежи довольно высок [Грачев, 1996:83-85]. М.А. Грачев разделяет сленг по своей экспрессии, подчеркивая, что одни из них очень грубый и агрессивны, в то время как в других преобладает юмор. На протяжении всей истории своего развития молодежный сленг находился под значительным влиянием арго и, по утверждению некоторых ученых, это является причиной преобладания в нем арготической лексики (Грачев, Ермакова, Химик, Траутман, Горчакова). Данные исследователи в своих работах уделяют особое внимание проблеме разграничения сленга молодежи и воровского арго [Грачев М.А., 1995; Ермакова О.И., 1996; Химик В.В., 2000; Траутман Ю.В., 2000; Горчакова О.А., 2002].

Рассматривая влияние воровского арго на русский молодежный сленг можно выделить ряд общих языковых проблем, а именно проблему нестабильности социальных диалектов, то есть их взаимовлияния и смешения. А.Т. Липатов пишет, что в богатом спектре лексики, выходящей за пределы литературной нормы, наблюдаются едва уловимые переходы из одного лексического пласта в другой [Липатов А.Т., 2002]. В условиях речевого общения слова из одной коммуникативной среды переходят в другую среду коммуникации, где начинают функционировать как настоящие полноправные члены.

Принимая во внимание вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что именно близость функционирования сниженных речевых единиц, а также обширные области их пересечения являются условием размытости границ социальных диалектов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. - М.: РГГУ, 2001. - 439 с.
2. Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Рязань, 1980.
3. Вахитов С. В. Словарь уфимского сленга. Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. 262 с.
4. Горчакова Е.В. Сопоставительное исследование молодежного социолекта русского и немецкого языков : (социолингв. и лингвокогнитив. аспекты) : автореф. дис. ...

- канд. филол. наук / Горчакова Е.В. ; [Том. гос. пед. ун-т, Ин-т иностр. яз.]. – Томск, 2002.
5. Грачев М.А. Арготизмы в молодежном жаргоне // Русский язык в школе. – 1996 - № 1.
 6. Грачев М.А. К проблеме дифференциации социального диалекта и просторечия ... 1995.
 7. Ермакова О.П. Семантические процессы в русском молодежном жаргоне // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г.Винокур. - М., 1996
 8. Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема. Москва, 1997.
 9. Крючкова Т.Б., Нарумов Б.П. Зарубежная социолингвистика: Германия, ... М., 1998.
 10. Копорский, А. О культуре языка и речи молодёжи (20-е годы) А. Копорский Русская речь. 1990. №1.
 11. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Рус. яз., 1998
 12. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и литература .М.- Л., 1935
 13. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб. М., 2003;
 14. Панов М.В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики. Язык современной публицистики. М., 1989.
 15. Поливанов Е.Д. 1931 б - Стук по блату // За марксистское языкознание. М.. 1931.
 16. Ролик А.В. Структурные особенности молодежного жаргона (на материале немецкого и русского языков / – Нежин, 1988. – 21 с.
 17. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений надрусским языком последних лет (1917 - 1926). - М., 1928.
 18. Скворцов Л.И. Об оценках языка молодежи. // Вопросы культуры речи. - М., 1964.
 19. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен.- СПб.: Изд.СПб. ун- та,2000.
 20. Толковый словарь русского сленга. автор, Елистратов В. С. издательство, Издательская компания "АСТ-пресс". год издания, 2010. размер, страниц, 672

Уважаемые коллеги!

ЦНТПМД «Вавилон» приглашает Вас принять участие в подготовке и выпуске:

- *сборников научных трудов по филологии № 7* (июнь 2011г.),
- *VI Международной очной научно-практической конференции «Основные проблемы современного языкознания»* (сентябрь 2011 г.)
- *IV Международной научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация»* (февраль 2011).

Надеемся на взаимовыгодное и долгосрочное сотрудничество! Заранее благодарим Вас за проявленный интерес!

Директор ЦНТПМД «Вавилон»

д.ф.н., доцент

Г.В. Рябичкина

Анонс мероприятий, проводимых ЦНТПМД «Вавилон», на 2011г.

Название мероприятия	Сроки проведения	Срок подачи материалов
1. «Основные проблемы современного языкознания» (VI Международная научно-практическая конференция)	сентябрь 2011	до 1 июля 2011
2. «Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации» (сборник научных трудов по филологии № 7)	июнь 2011	до 15 мая 2011
3. «Язык и межкультурная коммуникация» (IV Международная научно-практическая конференция)	февраль 2011	до 15 февраля
4. «Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации» (сборник научных трудов по филологии № 8)	декабрь 2011	до 15 ноября 2011

Требования к оформлению статей:

Объем статьи – **5-20** страниц

Правила оформления текста:

*Microsoft Word, Times New Roman, 14 кегль, поля 2,5 см со всех сторон, междустрочный интервал 1,5, абзац 1,25 см, выравнивание текста по ширине, нумерация страниц **ОТСУТСТВУЕТ.***

Оформление 1 страницы текста:

**ПЕРЕВОД КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ОБМЕНА НАУЧНО_ТЕХНИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИЕЙ**

(шрифт 14, интервал 1,5)

Иванов И.И.

Астраханский государственный университет

(шрифт 14, интервал 1,5)

Текст текст текст.....

Текст текст текст

ЛИТЕРАТУРА:

- 1.
- 2.
- 3.

Список литературы – в алфавитном порядке. Внутритекстовые сноски: [Догмин 2005:155].

К статье необходимо приложить сведения об авторе: ФИО, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, почтовый адрес (для рассылки сборника), контактный телефон, адрес электронной почты.

Статьи и сведения об авторе принимаются по электронному адресу vavilon-asu@yandex.ru в виде двух приложений (Сведения об авторе, Статья). В **теме письма** указать **«КОНФЕРЕНЦИЯ» или «СБОРНИК №...»**

Стоимость публикации – **150 руб.** за **1** страницу текста, включая расходы на пересылку сборника.

Оплата производится **ТОЛЬКО** после уведомления автора о включении статьи в сборник. Оплата орг.взноса за участие в конференции производится **ТОЛЬКО** после получения приглашения.

тел. для справок: 8-(8512)-610972

С наилучшими пожеланиями,
Директор ЦНТПМД «Вавилон»

Рябичкина Г.В.